

к. 63.3(2)

0-95 **Методический кабинет РОНО**

**Очерки по истории
Покровского района
с древнейших времен до 1917 года**

Часть I

(под редакцией А. М. Полинкина)

КР (смет)

Под редакцией А. М. Полинкина

Счерки по истории Покровского района с древнейших времен до 1917 года. Часть I (Пособие по истории родного края для учащихся 8-10-ых классов), 1994-48 с

Библиотека им. Бунина

на память от автора

A 277796

БУКОВО
«Орловская областная научная
универсальная публичная
библиотека им. И.А. Бунина»

Покровская типография комитета по печати, полиграфии и СМИ Орловской области, 650-500, бумага писчая, формат 140X250 мм

к 63.312
0-95

История Покровского района до начала XVIII века

При изучении истории Отечества с древнейших времен до настоящего времени, несомненно, одним из важных являются уроки, посвященные родному краю. Читая историческую литературу по истории Орловщины, можно легко выяснить, что специальных работ по Покровскому району нет вообще. Это обусловлено тем, что до конца 20-х годов XX века не существовало такой самостоятельной территориальной единицы, — Покровский район или уезд. Территория, на которой мы, покровчане, в настоящее время живем, в разное время входила в состав других административных единиц: с начала XVII до конца XVIII века — в состав Ливенского уезда, с конца XVIII до 20-х годов XX века — в состав Малоархангельского уезда.

Выскакивая по кружцам из различных краеведческих работ данные по нашему краю, я решил, что их можно и нужно свести вместе и написать что-то вроде исторического очерка, посвященного Покровскому району, — с далеких времен до современности. Думаю, этот очерк заинтересует как учителей истории, так и людей, которые хотели бы узнать что-то о своем крае.

Первую часть этого очерка я назвал «История Покровского района до начала XVIII века».

Прежде чем начать разговор об истории нашего края, необходимо дать описание природы того далекого от нас времени.

Природа эта весьма своеобразна и интересна по своему ландшафту, геологической истории, почвам, растительности и животному миру. На территории нашего края в далеком прошлом неоднократно наступало море. Толщи девонских отложений местами достигают 400 метров. После девонского периода долгий промежуток времени поверхность нашего района оставалась сушею, пока ее не залили воды юрского моря. Ископаемые остатки, часто выходящие на поверхность во многих местах (окаменевший ракушечник — массы упавших на дно моря моллюсков), дают возможность восстановить геологическую историю до наших дней.

С конца верхнемеловой эпохи территория района морем не покрывалась. В настоящее время здесь находятся пласты третичной формации, преимущественно из плодородного чернозема (до полутора метров толщиной эти слои были в XVII — XVIII веках).

Поверхность нашего края — холмистая, изрезанная долинами рек Труды, Медвежка, Кунач, Липовец, Сосна. Практически все реки входят и входили во все времена в бассейн реки Сосны. Река Сосна начинается на территории района. Гавриил Михайлович Пясецкий, исследователь Орловской губернии, на которого я буду часто ссылаться, в своем труде, посвященном истории г. Ливны и Ливенского уезда, так писал об этом: «Река Сосна образуется от двух ручь-

ев — Верхней Сосны и Нижней Сосны, которые берут начало в дачах села Верхососенья и скоро сливаются в одно русло».

В дрезности за рекой было название Быстрой Сосны — и по причине ее быстрого течения, и в отличие ее от другой Сосны, которая текла южнее и тоже впадала в Дон.

Первые подробные сведения о бассейне реки Сосна сообщила нам «Книга Большому Чертежу или Древняя Карта Российского Государства» 1627 года. Там написано: «Сосна река вытекала из тоеж гряды, что и река Ока (от Раковых колков) из-под Пахнутцовы дороги, от верху Оки верст 15-ти, и потекла под город Ливны...».

В начале XVII века Сосна считалась пограничною рекою в Московском государстве, поэтому ее левый берег назывался Московским, а правый — Крымским и Ногайским. В «Книге Большому Чертежу» названо несколько притоков Сосны, в том числе р. Труды (вторая по величине река Сосненского бассейна).

В XVI — XVII веках течение в Сосне было быстрое, а глубина и ширина неодинаковы. К примеру, в районе Ливен она имела ширину от 50 до 100 метров, а в глубину от 2 до 3 метров, но глубина эта после весенних паводков, когда вода приносила много песка и камней, постоянно менялась.

В начале XVIII века на Сосне стали строиться мельницы и плотины, а до этого времени река была судоходною на большом протяжении. По ней плавали на лодках и стругах до реки Дон, сплавляли лес, доставляли донским казакам хлеб, сушка, порох, свинец.

Впоследствии на Сосне появилось много мельниц — крупчаток, а ливенская мука — крупчатка (т. е. высшего качества, мелкого помола) вместе с елецкою считались лучшей во всей России.

Еще в XIX веке у жителей села Верхососенья существовало предание, что их река вытекла из-под сосны, почему и получила это название. В XV — XVI — XVII веках в бассейне реки Сосна существовало множество лесов. В «Приправочной Книге» за 1615 год и в других «дцесовых» Ливенских книгах XVII века упоминаются следующие леса на пространстве нашего теперешнего района — Ястребов, Ястребиные лески, Туров — Большой и Меньший, Дросков — Большой и Меньший, Никольский — Большой и Меньший, Кунацкая удеревь и множество дубрав.

Сильные пожары и особенно быстрое заселение Ливенского уезда в конце XVII — начала XVIII века были причиной исчезновения этих лесов и дубрав. От лесов уцелели лишь небольшие рощицы да названия населенных пунктов (Лески, Вязовое, Вязоватое, Липовен), которые в те времена появлялись обычно у лесных чащ.

В XV — XVI веках в Ливенском уезде не было сплошного лесного пространства, леса перемежались «диким полем». Это поле с северной стороны представляло собой несколько степных пространств, в виде более или менее широких лент, извиляющихся между течением рек — Трудов, Сосны, и сходящиеся у так называемой Муравской дороги.

Потому-то за Сосненским бассейном еще в XVI веке закрепилось название полевых, т. е. полевых или украинских земель.

Древние леса, существовавшие на территории нашего района, изобиловали вся-

ким зверьем. Тут водились и туры, и медведи, и волки, и дикие кабаны, и олени, и бобры, не говоря уже о мелком зверье. Отсюда, без сомнения, и названия некоторых лесов — Туровыми, колодезья (притоков) — Медвежьими и Волчьими, дубрав — Свиными и Медвежьими, а сел, деревень, поселков, верхов и бродов на Сосне — Лисициным, Медвежьими, Волчьими.

На территории района были (а некоторые и существуют до сих пор) населенные пункты, в названии которых упомянуты животные, обитавшие здесь когда-то (сельцо Медвежий колодец, деревня Волчьи Дворы, сельцо Туровец, деревня Вспринец). Протекает на нашей территории речка Медвежка.

Многочисленные леса и дубравы имели множество ключей, речек, болот и озер, что делало реку Сосну полноводнее, чем сейчас. То, что здесь существовало множество водных источников, тоже нашло свое отражение в названиях (село Топки, деревня Красный Ржавец (ржавцы — это небольшие топи), река Озерна и т. д.).

Тогда на реке Сосна водились целые стада диких уток, гусей, лебедей, орлов, соколов, журавлей, ястребов. И вероятно, Ястребинный (Ястребинец) был назван так, из-за многочисленных ястребов, обитавших здесь, а деревня Журавец — из-за живших неподалеку журавлей.

Впрочем, птицы в большом количестве водились в нашем районе и во второй половине XIX века. Иван Сергеевич Тургенев, имя которого было в селе Топки, часто приезжал сюда именно охотиться — один и с друзьями.

С истреблением лесов многие протоки и ручьи обмелели или пересохли, но известно совершенно точно, что в середине XVII века на Сосне было много бобров и за бобровые гоны давали оброк в Ливнах. Доходы с бобровых гоним по реке Труды поступали в Государеву казну.

«Плодородные почвы, тучные пастбища, обилие воды, леса, богатые пушным зверем, и разнообразная дичь — все это делало бассейн Быстрой Сосны одним из прекрасных уголков обширной страны, известной впоследствии, как Россия, и еще с глубокой древности привлекало сюда кочевников, которые, теснясь и вытесняя друг друга, не могли оставить после себя культурное наследие», — так писал о нашем крае Гавриил Михайлович Пясецкий в своем краеведческом исследовании, о котором я упоминал выше.

Бассейн речки Сосны был заселен с глубокой древности. Возможно, здесь бывали в свое время скифы, сарматы и другие народы древнего мира.

Затем у Окского и Сосненского бассейнов поселяются финские племена, среди которых были и ливы (может быть, именно они дали название городу Ливны). Или годы, верховье Оки и бассейн Сосны заселило племя вятичей, когда именно, неизвестно (но до XII века — это точно).

Вятичей покорял Святослав и его сын Владимир Святославович. Но они долго оставались непокоренными.

По некоторым, весьма скудным, данным город Ливны возник еще в XII веке. Некоторое время он был даже центром Ливенского княжества, подвергнувшегося в 30-е годы XIII века нашествию татар, сильно обезлюдевшего и прекратившего свое существование. Но всей видимости, именно тогда и возникли первые населенные пункты на территории Покровского района, исчезнувшие с приходом монголо-татар.

В XIV — XV веках сведений о нашем крае нет. А к концу XV века имеются упоминания о сражении татарского и русского войск между реками Труды и Быстрая Сосна. Об этом сообщает один из первых русских историков Татищев В. Н. в своей «Истории Российской», написанной в первой половине XVIII века. Он говорит, что это сражение произошло 10 июня 1492 года, с татарской стороны было убито 60 человек, а с русской — 40.

В XV веке Соснинский бассейн перешел к Московским государям (это произошло при Иване III), но еще долго оставался пограничным, малонаселенным.

Через наши земли вплоть до середины XVII века проходила одна из четырех дорог, которыми вторгались в пределы Московского государства крымские татары. Эта дорога называлась Пахнутцова и проходила чуть выше села Верхососенье.

История не располагает данными, где, в каких именно местах на Быстрой Сосне и ее притоках сохранились поселения до построения Ливен в 1586 году. Из того, что в царствование Ивана Васильевича Грозного выжигалось «дикое поле» сплошь между Чернавой, Любовшей и Трудами, мы можем заключить, что здесь не было тогда поселений. Это была местность, по которой имели обычай перехаживать татары, очевидно, как тогда говорили, лежала впусте.

И лишь с постройкой Ливен — крепости на южных рубежах Московского государства начинается вновь заселение окрестных земель. В 1611 году к Ливнам был приписан уезд, т. е. окружавшие город земли и поселки. Уезд делился на четыре более мелкие административные единицы — станы.

В Ливенском уезде имелись: Красный, Серболов, Затруцкий, Мокрецкий станы, включавшие в себя теперешние территории нескольких районов Орловской области — Ливенского, Должанского, Колпнянского, Малоархангельского, Покровского.

Населенные пункты Покровского района в его теперешних границах входили в основном в состав одного из этих станов — Затруцкого. Он занимал верхнее течение реки Сосна, в области речек — Фошни, Вязовика, Жерихани и притоков — Плоского, Лесного и Полевого Дроскова, Никольского, Липовца, Тяляжья, питаемых лесами: Святицким, Большим и Меньшим Дросковым, Жериханским, Городецким, Ясенывым, Ильмовым, Ровнецким, Большим Никольским, Фошнинским и Татариновым. Назван он был Затруцким потому, что его территория находилась за рекой Труды (За — Трудцкий, Затруцкий — по произношению) в направлении от Ливен к Орлу.

Сельское население Затруцкого стана жило в населенных пунктах нескольких типов — погостах, селах, сельцах, деревнях, починках, займищах. Известный русский историк Н. И. Костомаров так объяснял разницу между ними: «Займище было небольшое поселение на дикой земле, занятое обыкновенно одним двором. Починки были маленькие деревушки, недавно заселенные. Деревни были поселения без церквей. Село и сельцо имели церковь, а разница между ними заключалась только в величине их (село было побольше). В древности погостом называлось поселение с церковью, при которой всегда сосредоточивались сполье-

ния окрестных жителей и устанавливался административный центр. Но когда число церквей умножилось и таких поселений стало много, они, естественно, начали утрачивать прежнее преимущественное значение и назывались вообще только селами».

Населенные пункты типа погостов упоминаются в Затруцком стане только в первой половине XVII века, а затем везде используются термины «село» и «сельцо».

В этом стане в 1615 году имелось село, три сельца и 26 деревень с починками. В дальнейшем количество населенных пунктов в стане росло — хотя и очень медленно. Это связано с тем, что весь Ливенский уезд большую часть XVII века подвергался постоянным нападением в основном крымских татар. Особенно тяжелыми были последствия от их нашествий в 1609, 1613, 1615, 1625, 1633, 1641 годах.

К числу первых населенных пунктов Покровского района, существовавших уже к 1615 году, относятся деревни Муратова, Сетенева, Погонева, Морозова, Башкатова, Харчикова (вернее Харечкова — так тогда пишется это название), починок Теряева, Ивановский починок Гранкина.

К 1626 году появляются новые поселения. В этом году, после того, как была построена церковь Архистратига Михаила, возникло сельцо Архангельское (под Большим Дросковским лесом, поверх деревень Ениной и Васютиной) — будущее село Дросково. За 10 лет с 1615 года появились, кроме Архангельского, упомянутые выше Енина, Васютина, а также Новосильевка, Драчева, Шалчмова. Это были деревни, каждая из которых обычно в документах того времени называется так, чтобы было ясно ее местонахождение. Например, сельцо Архангельское — под Большим Дросковым лесом на Брусовом верху.

Переписные книги по Ливенскому уезду за 1646 год и за 1678 год позволяют сделать вывод, что к концу XVII века население Затруцкого стана выросло. Если раньше в деревне обычно насчитывалось 5 — 7 человек, то в 1678 году в деревне Верхососенье жило к примеру, 19 однодворцев, в деревне Драчева — 15, в Харечковой — 7, в Новосильевской — 15, в Морозовой — 11, в Непочатой — 5, в Никольской — 9 и больше всего — в деревне Ворова (что на Воре Колодезе) — 48 однодворцев.

К 1678 году в Затруцком стане уже существует село Покровское с церковью Покрова Пречистой Богородицы (это наш нынешний райцентр).

В состав Затруцкого стана входили части территорий существующих Ливенского, Колпинянского и Матюархангельского районов, поэтому затруднительно определить, сколько (хотя бы приблизительно) существовало населенных пунктов в Покровском районе к концу XVII века. Но совершенно точно к 1678 году существовали три села и около двадцати деревень, т. е. все-таки не слишком много. Значительная часть земель все еще лежала в «диком поле», т. е. не обрабатывалась.

Состав населения Затруцкого стана был достаточно разнообразен. В Ливенских платежных книгах «письма и дозору Немира Федоровича Киреского да подъячего Василия Ключарева лета 7123 (1620)» говорится, что в стане живут помещики, дети боярские, казаки, крестьяне, бобыли и священнослужители.

Помещики — служилые люди, владевшие землей с крестьянами или без них, поместьем — казенным имением, которое раздавалось как бы вместо жалования за службу. Боярские дети владели земельным участком — вотчиной — по наследству.

Сельские жители всех ранее названных поселений вообще назывались крестьяне, и для обозначения, к какого рода владениям они принадлежали (приписывались), прибавлялось прилагательное: монастырские крестьяне, владычные крестьяне, дворцовые крестьяне, помещиковы и вотчинниковы.

В Затруцком стане в первой половине XVII века имелись владычные, помещиковы и вотчинниковы крестьяне. Помещиковы и вотчинниковы позднее стали именоваться просто владельческими.

Отличия крестьян от бобылей в том, что последние (по современным понятиям) — просто бедняки.

Казачи — поселившиеся на свободных землях переселенцы из других мест (часто ушедшие от своих владельцев крестьяне).

Жители нашего края в XVII веке охотились, ловили рыбу, занимались сельским хозяйством (выращивали, как и везде на Руси, распространенные тогда рожь, ячмень и некоторые другие злаковые и овощные культуры; разводили домашних животных — лошадей, коров, овец и птиц).

Но трудиться приходилось, постоянно опасаясь за свою жизнь, так как почти весь XVII век через территорию Затруцкого стана постоянно проходили крымские татары, а иногда и литовские войска вторгались, тоже неся смерть и разорение.

В Ливенских писцовых книгах имеются факты, доказывающие это. Так в 1603 году татары разорили поместье Ермака, Данилова сына Чурилова, которое находилось в верху Дроскова Лесного колодезя, под Дросковым лесом, на Брусовом верху; самого Ермака татары взяли в плен, а его сын покинул поместье, уйдя в Новосиль.

В 1613 году татары разорили починок Ворова и взяли в плен девять его жителей, в результате чего поместье и дворы запустели.

В 1641 году вновь Затруцкий стан подвергся нашествию татар. В деревне Енинной одного бобыля Сережку Иванова взяли в плен, а двух других — Якушку и Олешку, живших в поместье Семена Харитоновна, убили. В деревне Муратовой татары взяли в плен Сережку Тарасова, бывшего за помещиком Петром Леоновым.

В результате этих нашествий многие из помещиков Затруцкого стана и их детей, опасаясь за свои жизни, бросали поместья и уходили безвестно куда или начинали скитаться с места на место.

Начало XVII века — это период смутного времени в истории Российского государства, и многие из помещиков Затруцкого стана принимали участие в различных событиях. Так, воюя на стороне Лжедмитрия I, был убит в Туле в 1608 году помещик Затруцкого стана, деревни Непочатой Петр Бухарин. Ливенские выборные люди (в том числе и от Затруцкого стана) находились в Москве в 1613 году и своею подписью утверждали на престол Михаила Романова — первого царя из новой династии.

В 1618 году союзник польского короля Владислава запорожский гетман Сагайдачный осадил город Ливны и спустя некоторое время взял их. При осаде и обороне города погибли некоторые из помещиков Затруцкого стана.

Участвовали в обороне Москвы от поляков и пожалованы были новыми землями некоторые из защитников. Так, получил вотчину в Затруцком уезде 20 октября 1620 года казачий сын Васька Бурков.

Жизнь в XVII веке, по крайней мере в Затруцком стане Ливенского уезда, была опасная, тяжелая и большей частью очень бедная. Бедной она была не только для бобылей, крестьян, но и для помещиков. Значительная часть помещиков нашего края в то время не имела в своем владении крестьян, поэтому земли в поместьях не обрабатывались. Помещики не стеснялись родниться с крестьянами, женись на крестьянках, а помещичьи вдовы выходили замуж за крестьян. Большой частью помещики были неграмотны. Пожалуй, только священнослужители жили несколько лучше, хотя и церкви тоже были бедны.

Ливенские писцовые книги 1626 — 1629 гг. сообщали, что попы прочно сидели на своих погостах и усердие помещиков превращали «дикое поле» в добрые пашни. В этом им большую помощь оказывали бобыли, любившие предпочтительнее перед помещечьими селиться на церковных землях. Поповский быт в это время имел много выгод перед помещичьим. Многие помещики стремились своих детей отдать в попы. Помещик Затруцкого стана Степан Мишин для того и построил церковь, чтобы одного из своих сыновей пристроить попом, а внуков — дьячками и пономарями.

Так, в 1626 году была построена на поместной поросшей земле в Долгой Поляге, под Большим Дросковым лесом, на Лесном Дросковом колодезе церковь в сельце Архангельском (будущем Дроскове). У попа Лариона, строившего эту церковь вместе с приходскими людьми, было 60 четей земли, в том числе 20 четей паханой (часть равна половине десятины) и сенных покосов на шести десятинах.

Но церковь была очень простая, деревянная, построенная «клетчатка», т. е. в виде клетки в верхней части, и с очень бедной утварью, с двумя книгами для церковной службы и всего одним колоколом.

Очень бедно (беднее помещиков и попов) жило большинство крестьян, хотя конкретных данных об их быте в Ливенских писцовых книгах нет.

Завершая это повествование, хочется сказать, что Гавриил Михайлович Пищевский высоко оценивал деятельность помещиков Ливенского уезда, начиная их осваивать тогда еще «дикое поле». Это были смелые и трудолюбивые люди, которым приходилось воевать, и работать и думать о будущем.

Фамилии этих помещиков нам известны из писцовых книг, хотя достаточно много, но некоторые всегда на слуху. Дело в том, что некоторые наши села и деревни носят имена основателей — первых жителей Затруцкого стана Ливенского уезда, поселившихся в начале XVII века на окраине Руси.

Прочитайте эти фамилии — и вы узнаете название своего родного села или деревни: Александров, Башкатов, Васютин, Воров, Драчев, Мацнев, Мухортов, Понзов, Пелогрессев, Теряев, Трубицин, Харечков и другие.

Наша история начиналась тогда, в XVII веке.

Покровский край в XVIII веке

В начале XVIII века, в период правления Петра I, совершенствовалась структура управления Русским централизованным государством. Указом царя от 18 декабря 1708 года территория России была поделена на несколько губерний, и по этому указу большая часть Орловского края (и наши земли тоже) вошли в состав Киевской губернии. В 1719 году губернии были поделены на провинции, а провинции в свою очередь делились на уезды во главе с земскими комиссарами.

В связи с этим делением территория Орловского края была разбита на несколько провинций: Орловскую, Севскую и Елецкую. В состав Елецкой провинции входил Ливенский уезд, и до 70-х годов XVIII века Покровский край территориально входил в состав Ливенского уезда.

После восстания Пугачева указом Екатерины II от 28 февраля 1778 года была создана Орловская губерния, состоявшая вначале из 13, а затем из 12 уездов, одним из которых был Малоархангельский. В состав Малоархангельского уезда вошли в основном земли, находившиеся ранее в Затруцком стане Ливенского уезда, т. е. и теперешняя территория Покровского рай. га. Такое деление сохранилось до 20-х годов XX века.

На территории теперешнего Покровского района к концу XVIII века увеличилось количество помещичьих имений, поскольку многие земли были пожалованы представителям дворянской знати. По данным 4-й ревизии, проводившейся в Малоархангельском уезде в 1782 году, на территории нашего края владели землями представители таких известных фамилий, как Голицыны (княгине Анне Голицыной принадлежало село Вязоватое), Кугушевы (княгине Агафье Кугушевой принадлежала деревня Вепринская), Мухортовы (графу Федору Мухортову принадлежало несколько населенных пунктов).

Представители других дворянских фамилий были менее известны, но носили распространенные и по сей день в нашем районе фамилии (Кузнецовы, Барковы, Гриневы, Некрасовы, Харечковы, Фарафоновы). Про наш теперешний райцентр в записях 4-й ревизии говорится следующее: «Вотчина вдовы майорши Матрены Ивановны Оловениковой — сельцо Васильевское, что на Липовицы (что было прежде село Покровское) и вотчина недоросля Николая Николаевича сына Оловеникова — сельцо Васильевское, что на Липовицы (что было прежде село Покровское)», т. е. это было владение матери и сына Оловениковых, фамилии, тоже известной в Покровском районе вплоть до начала революции XX века.

Но хотя количество дворянского населения в нашем крае было выше, чем в соседних уездах, в процентном отношении оно составляло незначительную часть. Абсолютное большинство населения нашего края в XVIII веке состояло из крепостных крестьян, которых помещики удерживали в повиновении с помощью сложного государственного аппарата, совершенствующегося в течений всего столетия.

Основным занятием населения Покровского края в XVIII веке было (впрочем, как и в XVII, и в XIX тоже) сельское хозяйство, в котором основное место занимало земледелие.

Главными же сельскохозяйственными орудиями труда в то время являлись дзуклемешный плуг, деревянная борова, серпы. Серно обмолачивалось с помощью чела или бревна. К концу XVIII века вместо серпов стали использовать косы, но и серпы не вышли полностью из употребления.

В земледелии утвердилась трехпольная система, но из-за недостаточной развитости животноводства земля под зерновые культуры почти никогда не уваживалась, из-за чего урожай был низким повсеместно и даже в благоприятные по погодным условиям годы. К примеру, урожайность ржи была чуть больше сам — 4, а пшеница давала урожай еще ниже — сам — 3. Поэтому и крестьяне, и помещики сели в основном рожь, а не пшеницу. После ржи самые большие площади жители нашего края отводили под гречиху и конопляники (от 0,5 до 1 десятины каждая крестьянская семья имела конопляников).

Низкая урожайность, стихийные бедствия часто приводили к массовым голодовкам в уезде. К примеру, из-за больших недородов в нашем крае страшный голод охватил многие села и деревни в 1733, 1743, 1750, 1763, и 1787 годах.

Животноводство было развито слабо, в основном разводились коровы, овцы и свиньи, изредка лошади, причем, в основном животные находились в помещичьих хозяйствах, но не в крестьянских, где иногда ни одного животного не имелось вообще.

Специальная часть крепостных крестьян на территории теперешнего Покровского района была барщинными, поскольку жила на черноземных землях, а выгодных подсобных промыслов, которые могли бы помещикам дать большой оброк, у нас в XVIII веке не было. Барщинные крестьяне составляли около 60 процентов по отношению ко всем.

На, помимо работы 3 - 4 дня в неделю на барском поле, крестьяне обязаны были поставить своему помещику столовые припасы — свинину, баранину, кур, гусей, уток, яйца, коровье масло, т. е. барщина сочеталась в нашем крае с оброком. Число оброчных крестьян жилось немногим лучше, поскольку денежный оброк для крестьянина был очень тяжел и разорителен.

Несомненно, что самым тяжелым в положении крепостных крестьян нашего края являлось то, что они были лишены человеческого достоинства и, как скот, продавались и покупались. Цена взрослого мужчины — работника в Мачохарангельском уезде в XVIII веке составляла 50 — 90 рублей, женщины — 15 — 40 рублей, а стариков и детей — от рубля до десяти. Каждый помещик мог вмешаться в личную жизнь своих крепостных, определяя даже за кого выходить замуж или жениться, или назначая са малейшую провинность.

Опубликованных данных по численности населения и количеству населенных пунктов в нашем крае в XVIII веке нет, они содержатся в ревизских переписях, 4 и 5 из которых проведутся в 80-е и 90-е годы. Но однозначно можно сказать, что в течение всего века, несмотря на достаточно тяжелую жизнь крестьянства, несмотря на неурожай и голодные годы, растет как количество населения в нашем крае, так и число населенных пунктов. Они возникают или на ранее необжитых местах бывшего «дикого поля», или там, где люди когда-то жили, но были вынуждены по разным причинам уйти.

Важную роль в жизни как всего русского народа, так и населения нашего края,

игра русская православная церковь. Она благославляла появление новых сел и деревень и стремилась вовлечь их жителей в лоно церкви. В XVIII веке, обладая большим количеством земель, определенным состоянием, церковь шла на то, чтобы укреплять свое влияние, строя церкви там, где их не было ранее. Так возникал новый приход, или существовавшую ранее церковь перестраивали на каменную, могущую служить уже не одну сотню лет.

Данные Ливенских писцовых книг, опубликованные в XVIII веке, позволяют нам увидеть следующие факты:

Уже в 1749 году в Ливенском уезде было 79 сел с приходскими церквями, причём 39 из них находились в Затруцком стане. И 10 из этих сел существуют и поныне. Это Никольское, Покровское (что на Липовице), Топки, Вязовое, Верховосенье, Енино, Дросково, Трудки, Липовицы, Ворово. Причём, в этом 1749 году в селе Дросково, при 301 приходском дворе, состояло три причта (т. е. 9 священнослужителей), в Липовице (166 приходских дворов), Ворово (210 дворов), Трудках (266 дворов) имелось по два причта, а в прочих селах по одному причту.

В XVIII веке в некоторых селах Ливенского уезда вместо деревянных церквей построили новые каменные. Из сел Покровского района первая каменная церковь была построена в Дросково. Вот что известно о ней из писцовых книг.

В селе Дросково Затруцкого стана с благословения Преосвященного Амвросия Крутицкого в 1762 году вместо ветхой деревянной церкви во имя Св. Архангела Михаила начато строение новой каменной церкви Рождества Христова с двумя пределами — во имя Архангела Михаила и великомученика Георгия, продолжавшееся по 1786 год; из приделов Георгиевский освящен в 1775 году (т. е. церковь строилась 16 лет). В 1786 году при церкви считалось 450 приходских дворов, а церковной земли в пользовании причта было свыше 500 четвертей, из которой около 30 десятин отошло под большую дорогу при проведении ее от Ливен до Орла (на расстоянии 7 верст). При построении церкви священнослужители должны были способствовать прихожанам ежегодным денежным взносом в размере 300 рублей, за оставшуюся в их владении церковную землю.

Почти до конца XVIII века город Ливны и уезд входили в состав Воронежской епархии, но в 1788 году отошли к Орловской. И тогда же 38 приказов, состоявших ранее в ведении Ливенского Духовного правления, отошли к Малоархангельской округе. С конца XVIII века населенные пункты нашего теперешнего района и до 20-х годов XX века входили в Малоархангельскую округу а затем уезд.

Нам удалось точно определить, что в 1788 году существовали следующие села и церкви в нашем крае: с. Верховосенье — Богоявленская церковь, с. Топки — Покровская, с. Вязовое — Георгиевская, с. Енино — Архангельская, с. Дросково — Архангельская, с. Ворово — Вознесенская, с. Покровское, что на Липовице — Покровская, с. Трудки — Вознесенская, с. Никольское — Архангельская (или Николаевская), с. Липовицы — Троицкая (т. е. точно известно 10 сел и церквей). Кроме того, возможно, были и церкви еще в двух населенных пунктах.

Несколько слов следует сказать и о правах духовенства в конце XVIII века. Г. М. Пясецкий подчеркивает, в них преобладало межкое своекорыстие, которое вело к непристойным сценам в самом храме Божьем, в присутствии прихожан.

Так, многочисленный причт села Никольское в 1776 году при совершении ли-

тургии на второй день пасхи, перед отправлением в приход с иконами перессорился и передрался весь из-за евангелия, которое каждому из попов хотелось «взять на свою половинку для большего прирбытка».

С делом разбирался сам Пресвященный Тихон III написавший резолюцию от 28 сентября 1777 года: «Из дела видно, что причиною беспорядка, бесчестия святому евангелию и соблазна христианам стало невежество священнослужителей, их алчность к прирбыткам во дни Святой Пасхи, пьянствъ, вражда между собою, связь родства и партни».

Наказания последовали для участников драки незамедлительно. Попов Андрея и Григория отправили в монастырь в работу на один месяц, дьячка Ивана — за бесчестие вырыванче святого евангелия отрешили от места на год, а дьяка Осипа отрешили от должности вовсе. С остальных взяли строгую подписку, чтобы жили честно, в трезвости и богомыслии, как прямым христианам полагает.

В заключение рассказа о событиях XVIII века, проходивших на территории нашего края, можно добавить то, что жители села Дросково «прославились» так, что о них узнал в 1779 году (вскоре после создания Орловской губернии) смоленский и орловский губернатор князь Репнин.

К 1779 году в селе Дросково наряду с немногочисленными достопримечательностями (церковью, постоялым двором) появилась и питейная контора, где продавалось вино. Это было государственное (казенное) заведение, доход от которого поступал в царскую казну.

19 августа 1779 года поверенный дросковской питейной конторы Корякин заманил в контору выборного села Дросково Родиона Енина и пять человек однодворцев и неизвестно за что приказал своим целовальникам сечь их (целовальники — продавцы винной конторы). Целовальников было шестеро, из них четверо держали наказываемого, а двое секли в два кнута. Этот факт в «своей книге «Орловская старина» приводит орловский краевед А. Пупарев (книга издана в Орле в 1872 году).

Вот как развивались события дальше. «Когда иссеченого уже Енина переворотили было вверх животом, для дальнейшего наказания», в контору зашел один из служащих у коронного поверенного и остановил избивание. На наказанных было страшно смотреть, один из них — выборный села Дросково Родион Енин на 5-й день умер. Сам Корякин от суда скрылся. Уголовная палата трех целовальников приговорила к жестокому наказанию плетью и взысканию в пользу оставшихся живых по два рубля, остальные трое целовальников умерли в тюрьме во время производства дела. Был оштрафован сам коронный поверенный за то, что держал у себя Корякина без паспорта.

Именно по этому случаю смоленский и орловский генерал — губернатор князь Репнин находил, «что таковой тиранский поступок должен быть удовлетворен строжайшим по законам наказанием совершителя оного». По его приказу были начаты поиски Корякина, и стал решаться вопрос о снятии с должности Малоярхангельского земского исправника Волкова, который не предпринял никаких мер для наказания виновных и даже на место происшествия не выезжал. Но найден ли был Корякин и наказан ли Волков, нам неизвестно.

Вот какими были нравы части населения нашего края в XVIII веке, такой была жизнь 200 с лишним лет тому назад.

Население Покровского района и занятия жителей в XIX веке

В течение всего XIX века территория Покровского района в его нынешних границах входила в состав Малоархангельского уезда Орловской губернии. В середине века этот уезд как по территории, так и по численности населения входил в число первых пяти из 12 уездов губернии. Так, он занимал 5 место по площади и 3 место по численности населения (в нем проживало более 151 тысячи человек, немногим меньше, чем в Ливенском и Елецком уездах).

Уезд сохранял традиционные деления на станы (их было три), но они уже не имели собственного названия. В связи с большим ростом населенных пунктов возникла и более мелкая административная единица — волость. Число волостей в Малоархангельском уезде в течение века менялось, но оставалось в среднем в пределах 20. Так, в 1866 году их было 21.

Населенные пункты, находящиеся ныне на территории Покровского района, большей частью входили во второй стан и в такие волости, как Успенская, Покровская, Воровутская, Верхососенская, Смирновская, Дросковская. Некоторые из других волостных центров теперь находятся на территории соседних районов.

В 1871 и 1880 годах в Санкт-Петербурге были опубликованы данные по численности населения по всей Российской империи. Мы, говоря о населении Покровского района в середине XIX века, будем использовать эти источники — «Список населенных мест Российской империи по сведениям 1866 года» (СПБ, 1871 г.) и «Волости и важнейшие селения России» (СПБ, 1880 г.).

Согласно данным этих источников, тогда в Малоархангельском уезде имелось 410 населенных пунктов (4-е место из уездов Орловской губернии). Из этих 410 сел и деревень, по нашим подсчетам 140 — 145 находятся на территории Покровского района (т. е. более одной трети).

Общее число жителей на территории, входящей ныне в состав нашего района, к 80-м годам XIX века перевалило за 60 тысяч человек. Только в 24 населенных пунктах количество жителей было менее 100 человек. В подавляющем большинстве сел и деревень (в 90 из 140) проживало от 100 до 500 человек. Причем часто крупных населенных пунктов росло. Так, если в 1866 году насчитывалось восемь сел с числом жителей более тысячи человек, то в 1880 году их было уже одиннадцать.

Это были следующие населенные пункты — Сетенево, Балчик, Вышний Кунач, и Нижний Кунач, Ворово, Липовка (Алексеевское), Туровец, В-Жерновец, Топки, Перехожье (Липовец) и Верхососенье. О Верхососенье следует сказать дополнительно. В этом селе проживало более 3500 человек, и оно по числу жителей превзошло даже уездный город Малоархангельск, где тогда проживало 3286 человек.

Средняя плотность населения в нашем районе тогда составляла 46 человек на квадратную версту.

Используя данные российских переписей населения можно высчитать данные и по составу жителей. Так, практически во всех населенных пунктах число жен-

щин было больше, чем мужчин. В крупнейшем нашем селе, в Верхососенье, проживало в 1866 году 1672 мужчины и 1830 женщин, в Липовце соответственно 874 и 917, в Топках — 874 и 934.

Число жителей, проживавших в одном крестьянском дворе, было достаточно большим. Среднее число членов одной семьи в с. Алексеевка было 6 человек — и это наименьший показатель, в Топках — 8 человек, в самом большом селе — в Верхососенье средний состав семьи составлял 9 человек. В деревне же Лутовиново, где имелось 40 дворов, проживало 667 человек, т. е. в среднем 16 человек на одну семью. В большинстве населенных пунктов среднее число членов одной семьи составляло 9 — 10 человек.

До отмены крепостного права в 1861 году среди населенных пунктов имелись как государственные (казенные), так и владельческие (принадлежащие помещикам). Небольшие села и деревни принадлежали обычно одному владельцу, а крупные — нескольким.

Верхососенье, к примеру, было селом казенным и владельческим, как и Топки, а Дросково — казенным селом. Из 140 населенных пунктов, существовавших в середине XIX века, 12 были казенными и владельческими, 50 — казенными, 78 владельческими. Следовательно, на территории нашего района большинство жителей до реформы 1861 года были крепостными крестьянами.

Все население в XIX веке было сельским, поскольку города или поселка на территории района тогда не было. И основными занятиями жителей района были земледелие и животноводство.

Основными культурами в земледелии являлись рожь, пшеница, конопля, горох, просо, гречиха, овес, начали распространяться посевы технических и пропашных культур — сахарная свекла, конопля, лен, картофель. Среди огородных культур (хотя огородничество было развито слабо) преобладали капуста, репа и редька.

Хотя в XIX веке в Орловской губернии в отдельных передовых хозяйствах уже применялся парковый плуг, борона с железными зубьями, сеялка, молотилка, в крестьянских хозяйствах Малоархангельского уезда подавляющая часть сельскохозяйственного инвентаря по-прежнему была примитивной. Все орудия труда приводилось в движение человеческой рукой (кроме сохи или плуга — это были коса, серп, цеп и некоторые другие).

Помещики и крестьяне нашего края из животных разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец (грубошерстных и тонкошерстных), свиней и коз. Отдельные хозяева занимались ичеловодством.

В сельском хозяйстве по-прежнему преобладало трехполье. Лишь в отдельных хозяйствах начали переходить к многопольным севооборотам. Удобрения почти не использовались, и потому урожайность была очень низкой (не превышала сам — 4 по зерновым и сам — 4,5 по картофелю по нашей территории).

Облик покровской деревни в середине XIX века сохранял черты, близкие к натуральному укладу. Крестьяне сами строили себе жилье, сами изготавливали себе одежду. Избы крестьян были тесными. В основном они состояли из двух отделов — сеней и главного помещения, часто с земляным полом и содержались несприятно. Передко избы были курными. Пища состояла из хлеба, щей, каши, кваса, изредка дополнявшаяся овощами и мясом. Большинство крестьян одевались в домотканую одежду из холста и носили лапти или чуни.

Поскольку население нашего края было чисто сельскохозяйственным, то промышленности в настоящем понимании этого слова у нас в XIX веке не было. Но естественно, существовали предприятия по первичной переработке сельхозпродукции. Основными из них были мельницы, маслобойни и крупорушни. На первом месте по значимости из этих предприятий стоят мельницы, ведь хлеб был важнейшим продуктом питания. Подавляющая часть мельниц у нас в районе была ветряными, но и водяные имелись (на Сосне, Куначе, Трудках, Липовце).

Мельницы существовали в 26 населенных пунктах нашего района. В большинстве деревень и сел их было по одной — три, но в некоторых и больше. В нашем теперешнем райцентре их было четыре, в Беречке — 7, в Зиновьевских Постоялых дворах — 11, а в Верхососенье целых 35, т. е. на каждые 100 жителей по одной мельнице. А в 140 населенных пунктах насчитывалось 116 мельниц, т. е. почти по одной на деревню или село.

Гречихи сеялось в XIX веке — по сравнению с зерном — намного меньше, поэтому и крупорущен было соответственно меньше. Они имелись в восьми населенных пунктах — в Покровском, Дросково, Беречке, Столбецком, Усть-Куначе, Ворово, Зиновьевских Постоялых дворах и Трудках (две). И всего их было 9.

Большую часть животноводческой продукции крестьяне перерабатывали сами, но имелись и маслобойни. Всего их было 26 — в одиннадцати населенных пунктах, причем в Никольском существовало 12 маслобоен, в Трудках — три, в Столбецком и Зиновье — по две, и по одной — в Покровском, Дросково Погудаевке, Вязовом, Троицком, Усть-Куначе, Сабурово.

Кроме этих основных предприятий, имелись и заводы. Гончарный завод располагался в деревне Непочатой, крахмальный — в деревне Погонеево, два винокуренных — в Федоровке и Сабурово. А в деревне Варварино была даже бумажная фабрика.

С конца XVIII века на территории нашего района начинают строиться каменные здания — в основном церкви. К 80-м годам XIX века имелось 20 православных церквей — в Алексеевке, Верхососенье, Ворово, Вязовом, Вепринце, Дросково, Енино, Кубани, Криво, Липовце, Никольском, Покровском, Столбецком, Смирных, Топках, Троицком, Трудках, Трубицино, Успенском, Федоровке. Даже те церкви, что были раньше деревянными, перестроили в каменные.

Для строительства храмов требовался кирпич. В связи с этим в середине XIX века появились кирпичные заводы. Они существовали в деревне Беженовой и селах Федоровка, Трудках, Сабурово и Троицком. Кирпич покровского производства вследствие хорошего качества глины и соблюдения технологии оказался очень прочным и стал впоследствии использоваться при строительстве первых гражданских зданий. К сожалению, ни одна из помещичьих усадеб, имевшихся в XIX веке на территории нашего района, к настоящему времени не сохранилась. А у нас были очень красивые по архитектуре помещичьи усадьбы Лутовиновых (в с. Топки) и Мухортова (в с. Федоровка).

К концу XIX века население сел и деревень нашего края все необходимое для жизни в основном производило у себя дома или приобретало здесь же, в пределах небольшой территории, не выезжая даже в уездный город Малоархангельск. Приобреталось недостающее на ярмарках и торжках. Самыми известными были

ярмарки в селе Дросково (они проходили 25 марта, в Вербное воскресенье, 23 апреля и 8 ноября), в Липовце (в Троицын день, 1 октября, 8 ноября), в Смирных, Вепринце, Енино, Топках. На эти ярмарки приезжали и купцы из Малоархангельска, предлагая промышленные товары в обмен на сельскохозяйственные.

Кроме ярмарок и торжков, которые были периодическими торговыми центрами, к 80-м годам возникают уже и постоянные торговые точки — лавки, принадлежавшие или зажиточным крестьянам, или приезжим купцам. Так, в 1879 году в селе Дросково имелось девять лавок, в Успенском, Липовце и Вязовом — по три лавки, в Алексеевке — четыре, в Вязовом и Смирных — по две, по одной лавке существовало в Ворово, Вепринце, Туровце, Столбцом и Федоровке.

Конечно же, жизнь такого типичного сельскохозяйственного района, каким был в XIX веке Малоархангельский уезд, не ограничивалась только добыванием хлеба насущного, хотя это и было первой потребностью. По веку XIX требовалось все больше и больше грамотных людей.

Первыми учебными заведениями и нас в районе были училища. В 1861 году их было всего четыре — в Дросково, Верхососенье, Трудках, Ворово. К 1880 году появляются — по инициативе православной церкви — церковноприходские школы, которые должны были дать крестьянским детям зачатки грамотности и религиозного благочестия. По данным издания «Волости и важнейшие селения Европейской России» такие школы существовали в Дросково, Верхососенье, Топках, Ворово, Протасово, Зиновьевке, Никольском, Жерновце, Шатилово, Кромской, Алексеевке, Вязовом, Каменке, Федоровке (всего 14 школ).

Такие школы давали в основном религиозные знания, но и основы грамотности, счета тоже. К концу века количество церковноприходских школ увеличилось. К примеру, в 1886 году имелась таковая в селе Покровском, учителем в ней был священник Иосиф Архангельский.

Через территорию Малоархангельского уезда (ту его часть, что относится к нам), в XIX веке проходили две транспортные дороги — Новосильевская (через Кунач) и Ливенская дорога. Ливенская дорога чаще именовалась Ливенским почтовым трактом. Он шел от Орла через Малоархангельск на Верхососенье, Дросково, Демидово и Ливны. В Верхососенье и Дросково находились почтовые станции, где проезжающие могли поменять лошадей (на каждой станции постоянно находилось по восемь лошадей). Проезд от Малоархангельска до Верхососенья (26 верст) и от Верхососенья до Дросково (20 верст) стоил 2,5 копейки на человека (так называемые прогонные деньги).

В селе Дросково, кроме двух постоянных дворов, где могли переночевать проезжие, имелась и почта, так что этот населенный пункт был средоточием жизни окрестного населения и настоящим центром. Несмотря на то, что в нем проживало 280 человек в 49 дворах (в 1880 году), здесь находились волостное правление, церковь, школа, почтовая станция, больница, девять лавок, проходили ярмарки.

Покровская волость свой волостной центр имела в соседнем селе Липовце.

Еще одно волостное правление находилось в селе Смирные (Богородицкое то-

же), где, кстати, возникло первое по-настоящему относящееся к промышленности предприятие — механический завод. Чем там занимались, правда нам выяснить не удалось.

Крестьянский вопрос в Покровском районе в XIX веке и отмена крепостного права

Как мы уже упоминали в предыдущем разделе, крестьян Малоархангельского уезда можно было в XIX веке (до 1861 года) разделить на две основные группы: помещичьи и государственные (казенные), причем, первых по селам и деревням, находящимся теперь на территории Покровского района, имелось больше примерно на треть. В свою очередь, помещичьи крестьяне подразделялись на барщинных и оброчных. В связи с тем, что на нашей территории земли в основном черноземные, помещики здешние предпочитали, чтобы их крестьяне работали на барщине. Кроме того, были еще и дворовые крестьяне, лишённые средств производства. К примеру, у матери П. И. Якушкина, помещицы Прасковьи Фалеевны Якушкиной к 1861 году в поместье работало 22 дворовых человека.

Положение крепостных крестьян волостей Малоархангельского уезда было достаточно тяжелым. В некоторых населенных пунктах крестьяне работали по 3 — 4 дня на барщине, выполняя еще и подвзную повинность и платя мелкий оброк продуктами.

В самом крепостном хозяйстве существовал строгий надзор за распределением рабочих сил и рабочего времени крепостных крестьян — барщинников.

Тяжелым было положение и оброчных крестьян. К середине XIX века денежная рента, с учетом натуральных повинностей составляла 10 — 15 рублей с мужской души.

Достаточно часто дело доходило до вмешательства в личную жизнь крестьян. Поскольку помещики были заинтересованы в приросте рабочей силы, они старались сами руководить заключением брака между крестьянами. Барщинная же система сопровождалась мерами самого сурового принуждения — на нем она и держалась.

Помещик в своей вотчине был абсолютным повелителем, а крепостной крестьянин не считался за человека. Его можно было продать, купить, обменять, прогнать в карты. Каждый крепостной крестьянин или крестьянка имели определенную цену, за которую их могли продать или купить. Обычно в середине XIX века такая цена в Малоархангельском уезде составляла 15 — 30 рублей.

Частыми были случаи издевательств помещиков над своими крепостными. Всей читающей России стали известны факты, опубликованные А. И. Герценом в его журнале «Колокол», в которых отмечались случаи изуверского отношения к крестьянам помещика Мацнева, чьи имени находились в нашем районе (одна из деревень у нас долго называлась Мацневка).

Не многим лучше было положение государственных крестьян (это в основном с. Дросково и его окрестности). Хотя они и считались формально «свободными сельскими обывателями» и жили на государственной земле, имея право свободно избирать себе род занятий, приобретать имущество. Они отбывали повинности непосредственно государству, внося в казну оброк и выплачивая (как и помещичьи) подушную подать. Кроме того, они несли государственные натуральные повинности: подвозную, дорожную, строительную.

Третьей группы крестьян — удельных (собственности царской фамилии) у нас в уезде практически не было (по крайней мере, в границах нашего района).

В целом, характеризуя положение всех крестьян, проживавших на территории нашего района в первой половине XIX века, можно сделать вывод, что наблюдалась ухудшение экономического и правового положения крепостных крестьян: усиливалась эксплуатация, шел процесс обезземеливания и рост бесправия.

Невыносимый гнет, систематическое издевательство вели крестьян Малоархангельского уезда, как и всей губернии, к усилению борьбы против крепостничества, за освобождение и землю.

Особенно острой эта борьба стала в канун подготовки крестьянской реформы. В целом же мощное крестьянское движение было одним из факторов, способствовавших отмене крепостного права.

Все в Орловской губернии стали известны события, которые произошли в июне — сентябре 1859 года в селе Богородицкое (Смирные), в деревне Степанищево в имении помещика Киреевского.

В июне 1859 года крестьяне этих населенных пунктов на общем собрании решили прекратить работу на помещика и сменили старост, избрав своих вместо помещичьих.

Узнав о событиях в Богородицком и Степанищеве, сюда прибыли земский исправник и предводитель Малоархангельского уездного дворянства. Они предложили немедленно «прекратить бунтовать». Крестьяне категорически отказались и ушли с собрания. Тогда по распоряжению губернатора в имение Киреевского прибыли представители власти, духовенства, вооруженная команда и 40 человек солдат.

Всех крестьян собрали в селе Богородицком и начали убеждать прекратить бунт. Но крестьяне стойко держались на своем. Жандармский штаб-офицер заявил начальству: «Все убеждения, сделанные полковником Арцышевским, чиновником Ратыцким и предводителем Скорятиным... остались тщетным». Крестьяне упорствовали.

Тогда вооруженной команде было приказано разогнать крестьян. Но толпа не дрогнула. И полковник Арцышевский, не надеясь на солдат, остановил их.

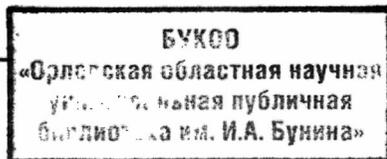
Такая решительность и организованность крестьян из имений Киреевского повлияла на крестьян соседних сел, где тоже начались выступления.

Губернатор признал положение очень серьезным и приказал послать в имение Киреевского вооруженных солдат.

14 сентября в село Дросково прибыл батальон солдат, а следом за ним прехват и полковник Арцышевский, чиновник особых поручений Снопов и земский исправник. Они ночью разработали план по усмирению непокорных крестьян.

A277796

17

По этому плану земский исправник, не извещая крестьян о прибытии батальона, собрал всех взбунтовавшихся к 10 часам утра 15 сентября в селе Богородицком «для обыкновенного разъяснения и внушения». А командир батальона, заранее, в 5 часов утра должен был отправить одну роту к селу Топки, откуда она к 10 часам утра должна была рассыпным строем занять все пространство вокруг Богородицкого со стороны Малоархангельска. А остальные три роты должны были окружить Богородицкое с противоположной стороны. В отчете о проделанной операции полковник писал, что план был исполнен точно.

Село было окружено, крестьян собрали на площади и под грохот барабанов началась расправа. 25 человек получили по 50 ударов розгами каждый, 41 человек — по 20 — 30 ударов, а пятерых организаторов и руководителей крестьян — Изотова, Захара Филюшина, Андрея Ажовского, Федота Погорельцева и Ивана Назарова отправили в Малоархангельский земский суд.

Эта расправа не ослабила революционное движение в уезде, поэтому солдаты оставались в нем еще продолжительное время.

В условиях нараставшей крестьянской борьбы правительство, царь в начале 1861 года решились все-таки на то, на что долго не решались — на реформу в сельском хозяйстве.

5 марта 1861 года вначале в Москве и Петербурге, а затем и в других местах был оглашен царский манифест об отмене крепостного права и «Положения 19 февраля», разъяснявшие конкретные моменты отмены, условия освобождения.

Первоначальная реакция крестьян была негативная, поскольку они посчитали опубликованный и прочитанный им манифест обманом. В Малоархангельске было срочно проведено уездное собрание дворян для выработки мер с возможными крестьянскими беспорядками. В постановлении собрания, которое было отправлено губернатору, они писали: «Просим принять немедленные меры, чтобы усилены были средства земской полиции к немедленному приведению в повиновение крестьян, водворенных на наших землях, которые решительно вышли из послушания нам и земли наши частью очень дурно обработаны, а частью и вовсе останутся необработанными».

В апреле 1861 года в тех же имениях Киреевского крестьяне не пошли на господские работы и распустили слух о чтении им не того манифеста, который был зачитан в Орле. Киреевский просил станового пристава, чтобы трех человек, более виновных в этом, вытребовать в стан и внушить повиновение. Становой такой приказ прислал, когда пришли в деревню брать виновных, то все крестьяне без приказа собрались на сход, толковали о происшедшем, а требуемые три человека, опасаясь наказания, не пошли к становому приставу. Эти выступления остались без последствий.

В 1861 году в Малоархангельском уезде большой успех имела агитация Никиты Гаврилова, солдата стрелкового батальона из Карачева. Он был направлен по делам службы в Ливны, а во время пути в нескольких селах уезда проводил собрания крестьян, на которых называл себя «посланцем царя» и призывал крестьян не повиноваться помещикам. В Верхососенье Гаврилов на собрании крестьян заявил, что он послан государем обнародовать новое положение о наделении крестьян и помещиков землей, по которому помещики получают только по четыре десятины земли, а остальная земля будет роздана крестьянам.

Крестьяне поверили Гаврилову и объявили бойкот помещику и властям. Волна крестьянских волнений в уезде нарастала, и уездные (вместе с губернскими) власти приняли срочные меры. Уезд наводнили вооруженными командами, и движение крестьян в Верхососенье, Смирных, Степанищево было приостановлено, а Гаврилова арестовали и передали суду. Он был бит шпицрутенами через сто человек пять раз и сослан на каторжные работы на 6 лет.

Почему же властям приходилось такими чрезвычайными мерами наводить порядок, почему крестьяне были не удовлетворены как манифестом, так и положениями, регламентировавшими порядок отмены крепостного права? Первое время, когда при составлении уставных грамот, являвшихся основным этапом проведения в жизнь реформы, требовались подписи крестьянских представителей, то за 6 месяцев (июль — декабрь) 1861 года по всей Орловской губернии было составлено только 53 грамоты.

Крестьян часто неудовлетворяло то, что сам помещик определял границы, межи, не считаясь с ними, их не удовлетворяли размеры повинностей, переносы усадеб и т. п.

Для того, чтобы посмотреть, а могла ли крестьян полностью удовлетворить эта реформа, надо для примера рассмотреть одну уставную грамоту — «Малоархангельского уезда сельца Сабурово подпоручицы Прасковьи Фалеевны Якушкиной», составленную 9 марта 1862 года, т. е. уже через год после отмены крепостного права.

Прасковья Якушкина, сама бывшая до замужества крепостной крестьянкой, после смерти мужа (отца писателя Павла Якушкина) стала законной владелицей поместья Сабурово.

В сельце Сабурово вначале проживало 152 человека крестьян, но затем 17 из них были переселены в сельцо Кудиново Ливенского уезда. В пользовании оставшихся 135 крестьян находилось 452 десятины 718 сажень земли.

Землемером Федором Ольгиным, который проводил размежевание земель, было отрезано крестьянскому обществу 390 десятин земли, а 62 десятины 718 сажень земли, которыми раньше пользовались сабуровские крестьяне, отошли в распоряжение Якушкиной (так, кстати, было и в остальных черноземных селах Малоархангельского уезда — помещики неохотно расставались с плодородными землями и себя не обижали).

Кроме 390 десятин земли, крестьяне Сабурово получили чуть более 33 десятин земли под выгон для скота, конопляники и огороды (площадь не названа). Причем границы крестьянских наделов не были обозначены при межевании, так как земли помещиков и крестьян предполагались чересполосно, что позволяло Прасковье Якушкиной в случае необходимости брать с крестьян плату за право прохода через ее земли.

За получение от помещицы земли сабуровские крестьяне должны были заплатить выкупную сумму в 3250 рублей (т. е. 25 рублей на человека) сразу же.

Кроме того, крестьяне должны были отработать у помещицы в течение нескольких лет на ее землях (со всех душевых наделов 9 тысяч рабочих дней за год со всего крестьянского общества).

Выплачивая выкупные платежи и отработав, крестьяне не были связаны круговой порукой и понуждали друг друга соблюдать условия уставной грамоты.

Кроме всего прочего, личными владениями Якушкиной остались также камеломини, расположенные на крестьянских наделах, рыбная ловля в находившемся при имени пруду.

В общем пользовании крестьян и помещицы остались водопой при колодце и пруде, погон для скота. Таким образом, даже при внимательном изучении только одной уставной грамоты можно убедиться, что крестьян обделяли, ущемляли в свою пользу помещики. Именно этим можно объяснить их массовые выступления, в частности, нашем уезде.

И только применение солдат и создание на местах органов крестьянского самоуправления способствовало постепенному спаду крестьянских выступлений. А затем начались медленные преобразования капиталистического характера в покровской деревне второй половины XIX века.

ОЛОВЕННИКОВЫ

1 марта 1881 года жители Санкт-Петербурга — столицы Российской империи — были встревожены. Белым днем в центре города один за другим прогремели два взрыва. «Какие-то злоумышленники покушались на особу государя императора», — шептались испуганные петербургские обыватели.

Да, так это и было. Взрывом второй бомбы царь Александр II был смертельно ранен и, не приходя в сознание, скончался, как и бросивший эту бомбу Игнатий Гриневецкий...

Революционная организация «Народная воля» привела в исполнение смертный приговор, вынесенный царю в августе 1879 года.

Сейчас не модно ссылаться на авторитеты и кого-то из великих цитировать, но, тем не менее, стоит привести слова Владимира Ильича Ленина о деятелях «Народной воли», потому что эти слова достаточно точно характеризуют суть их деятельности.

«Они проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира». Да, именно так — «проявили величайшее самопожертвование», т. е. не щадили прежде всего свои жизни, самих себя. Но и чужие жизни в этой борьбе тоже были для них в какой-то мере разменной монетой для достижения цели — призрачной, и как оказалось, геосуществимой, нереальной.

Судя тех, кто принимал самое активное участие в деятельности «Народной воли», были наши землячки, сестры Мария, Наталья и Елизавета Оловенниковы (старшая, Мария, носила фамилию мужа — Ошанина, а средняя и младшая сестры до конца жизни носили отцовскую фамилию, поскольку муж не выходила).

Фамилия Оловенниковых, хотя и не из самых знатных, но все же была известна как в Малоархангельском уезде, так и в Орловской губернии. В очерке «Покровский край в XVIII веке» упоминалось, что теперешний райцентр, а тогда село Покровское (Есидьевская) принадлежало дворянам Оловенниковым, внесенным в родословную книгу дворянских родов Орловской губернии. Оловенниковы владели землями в основном в Малоархангельском уезде и принадлежали к числу помещиков средней руки.

Дед сестер, Александр Дмитриевич Оловенников, от своего отца получил во владение село Александровку (крепостных душ 31 и дворовых 16), деревню Васильевку (36 крепостных) и деревню Даровку (23 крепостных и 14 дворовых людей). Генерал-майор А. Д. Оловенников, будучи в отставке, проживал в селе Покровское и умер в январе 1873 года.

Съезему сыну, отцу Марии Натальи и Елизаветы, Александр Дмитриевич оставил в наследство село Приютино, что прежде было Хорошее (86 крепостных крестьян и 36 дворовых людей) и село Васьково на речке Кунач (40 крепостных и 32 дворовых человека).

Писец I разряда, секретарь губернского дворянского собрания Николай Александрович Оловенников проживал постоянно в своем основном имении — в селе Покровское (часть его называлась Приютино или Хорошее), в небольшом (по помещичьим меркам) одноэтажном доме. Жена его, Любовь Даниловна, не была дворянкой по происхождению и поэтому для детей, рожденных в совместном браке, требовалось решение дворянского собрания о причислении их к дворянству.

В мае 1861 года Н. А. Оловенников обратился к Орловскому дворянскому собранию с просьбой о причислении его детей к дворянству. И в этом обращении он представил метрические свидетельства на сыновей и дочерей, благодаря которым мы можем точно назвать даты рождения Марии, Натальи и Елизаветы.

Старшая дочь, Мария, родилась 15 мая 1852 года, средняя — Наталья — 6 декабря 1855 года, младшая — Елизавета — 28 августа 1857 года (было у Николая Александровича и три сына: Андрей, Михаил, Сергей — в порядке старшинства).

В июне 1861 года, после рассмотрения просьбы малоархангельского депутата дворянства Н. А. Оловенникова, дворянское собрание удовлетворило ее, дети стали дворянами.

Вплоть до направления на учебу в город Орел сестры проживали по месту своего рождения — в селе Покровское.

По воспоминаниям младшей из сестер, Елизаветы, отец их «был более чем человеком, доказательством чего служили его гуманные отношения с крестьянами». А если обратить внимание на его достаточно высокое политическое положение (Малоархангельский депутат дворянства, секретарь губернского дворянского собрания), он пользовался авторитетом в дворянских кругах и был хорошо образованным человеком.

Мать Оловенниковых, Любовь Даниловна, также была гуманной, интеллигентной, очень начитанной женщиной. Она свободно владела французским языком, много читала исторической литературы (особенно о событиях Великой французской революции). Большой популярностью в доме Оловенниковых пользовались известные тогда прогрессивные журналы «Современник» и «Отечественные записки».

В гостях у Оловенниковых бывал живший неподалеку и гостивший у матери в селе Сабурово известный русский этнограф и фольклорист Павел Иванович Якушкин. Несмотря на то, что метр он, отделившись Сабурово от Покровского, не был препятствием для Якушкина. Он часто вел беседы о местном житье — бытие как

с Николаем Александровичем и Любовью Даниловной, так и с детьми.

Вот в такой обстановке и росли будущие народницы.

МАРИЯ

Самой известной из сестер, несомненно, стала старшая Мария Николаевна Оловенникова (по мужу Ошанина). Она, будучи старшей, первой из сестер поступила в Орловскую женскую (Николаевскую) гимназию. Обучаясь в ней, стала посещать кружок известного в Орле своим взглядами Петра Григорьевича Зайчневского, старого народника, вернувшегося из ссылки.

По воспоминаниям Елизаветы Николаевны, организация кружков была несложной. Это были просто небольшие собрания в укромных квартирах (у самого Зайчневского, у Марии Николаевны и в квартире ее матери, где жила тогда и младшая сестра). На собраниях обычно присутствовало 7 — 8 человек. Именно на занятиях этого кружка и под влиянием пламенных речей умевшего говорить Зайчневского Мария (а затем и младшие сестры) получили начатое революционное образование и выработала убежденность в необходимости революционных действий. Это и привело ее на первых порах в «Землю и волю», а затем и в «Народную волю».

Прочувшись некоторое время, Мария Николаевна по болезни из гимназии была и занималась с домашним учителем. К этому же периоду относится ее брак с помещиком-либералом Ошаниным. Брак оказался недолговечным. По одним данным, они вскоре разошлись, по другим — Ошанин умер, а Мария Николаевна стала вдовой.

В начале 70-х годов Мария вместе с Натальей из Орла выезжает в Петербург и поступает на фельдшерские курсы при «Общине сестер милосердия св. Георгия». Учась на курсах, Мария Николаевна постепенно становится активной деятельницей организации «Земля и воля», возникшей в 1876 году. Землевольты пытались пропагандировать социалистические идеи среди крестьян, поселившись в деревне для постоянной работы в качестве учителей, фельдшеров, писарей и т. д. Пытались землевольты вести пропаганду и среди рабочих (этим, к примеру, занимался Г. В. Плеханов), чтобы рабочие могли поддержать восстание крестьян, которых землевольты считали главной силой будущей революции.

Одним из организаторов первой рабочей демонстрации с красным флагом (6 декабря 1876 года у Казанского собора) была Мария Николаевна Ошанина, на квартире у которой и изготовили это знамя.

К концу 80-х годов деятельность «Земли и воли» уже была хорошо известна и властям, и полиции. Начались аресты народников. Готовился большой судебный процесс.

Оставшиеся на свободе летом 1878 года предприняли попытку освобождения своих арестованных товарищей. В июне 1878 года были созданы землевольтами две группы, которые и должны были осуществить задуманный и достаточно проработанный план.

Первая группа — ударная — должна была исследовать два пути от Харькова (где находились арестованные) к тюрьмам и отбить у жандармов арестованных народников. Вторая группа (прикрытия) сняла в городе Харькове хорошую квартиру, на которой поселились Александр Михайлов в форме землемера и Мария

Николаевна Ошанина под видом его жены. С ними же (под видом их горничной) находилась Софья Перовская. Квартира предназначалась для первого приюта и переселения освобожденных. Но освободить никого не удалось: слишком сильной была охрана и слишком неумело, хотя и храбро, действовали землевольцы. После этой неудачной попытки освобождения члены двух групп вернулись вновь в Петербург.

С осени 1878 года «Земля и воля» начинает раскалываться на два течения. Одно из них включало в себя сторонников борьбы с царизмом путем террора как главного метода борьбы, другая стояла за сохранение прежних методов — пропаганды социалистических идей и агитации среди крестьян и рабочих.

Мария Николаевна принадлежала к числу сторонников террора, которые часто собирались вместе на конспиративной квартире (в Лесном, пригороде Петербурга).

На июнь 1879 года было намечено провести съезд «Земли и воли», чтобы попытаться сгладить возникшие между двумя течениями противоречия. Но сторонники террора уже были готовы пойти на раскол организации и потому договорились между собой до съезда в Воронеже собраться на несколько дней в Липецке, чтобы обговорить совместные действия.

Готовилась к поездке в Липецк и Воронеж и Мария Николаевна Ошанина. Но предварительно она решила побывать на родине и устроить личные дела, совместив их с общественными.

Начальник Орловского губернского жандармского управления полковник Старов в своем докладе Орловскому губернатору сообщал, что 15 апреля 1879 года в церкви села Покровское — Липовица был совершен брак бывшего студента Петровской Разумовской академии Кшурникова с дворянской вдовой Марией Николаевной Ошаниной. Венчание производилось помощником настоятеля Покровской церкви священником Николаем Первозванским с причтом. Поручителями при браке были дворяне Владимир Николаевич Покатилло, малоархангельский купец Дмитрий Никифорович Поляков и дворянин Михаил Николаевич Оловеников (брат Марии Николаевны).

Как выяснили жандармы позднее, настоящая фамилия мужа Ошаниной была Баранников Александр Иванович, разыскиваемый как государственный преступник. Поскольку Баранников был очень известным деятелем «Народной воли», прежде чем продолжить рассказ об Ошаниной, следует несколько слов сказать о нем.

Родился Александр Иванович Баранников в 1858 году в городе Путивле, в богатой дворянской семье. В детстве жил по соседству и дружил с будущим народо-вольцем Александром Михайловым. Окончил Орловскую Бачинна военную гимназию, хотел поступить в университет, но по настоянию родителей был отдан в Павловское военное училище. Обучаясь здесь, Баранников начал посещать тайные собрания народников, под влиянием взглядов которых решил бросить училище и пойти в народ. Инсценировав самоубийство, он бежал из училища и начал своехождение в народ. Оказавшись в Петербурге, он близко сошелся со многими будущими народо-вольцами, в том числе и с Марией Николаевной.

Когда в среде землевольцев начались разногласия, Баранников стал склонять-

ся к террору. Он был человеком действия, а не слова. Даже сама внешность человека, который ломал подковы, как будто толкала его на это.

С 1878 года по январь 1881 года, вплоть до ареста, он принимал участие почти во всех террористических акциях, организованных «Землей и волей» (затем «Народной волей»), в июне 1878 года он входил в ударную группу, пытавшуюся отбить у жандармов народника Войнаральского; в августе 1878 года он вместе со Степняком-Кравчинским убил шефа жандармов Мезенцева, а затем принимал участие в покушениях на Александра II.

Арестованный в январе 1881 года, он был приговорен вначале к смертной казни, замененной вечной каторгой. Умер от скоротечной чахотки в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости в 1883 году. И былс ему тогда всего 25 лет.

В 1879 году, когда в апреле Баранников под чужой фамилией венчался с Марией Николаевной в Покровской церкви, его разыскивалч как государственного преступника за участие в нескольких покушениях.

Но Мария Николаевна и Александр Иванович, муж и жена Кошурничковы (по брачному свидетельству № 14 от 23 апреля 1879 года) успели уехать из Покровского прежде, чем их в чем-то заподозрили.

В июне 1879 года в Липецке собрались 10 сторонников нового, террористического уклона в «Земле и воле».

Среди этих десяти была лишь одна женщина — Мария Ошанина. Баранников тоже входил в эту десятку.

На Воронежском съезде «Земли и воли» был достигнут временный компромисс двух течений — признавалось допустимым применение террора наряду с пропагандой и агитацией. Но компромисс уже не смог предотвратить раскола. В августе 1879 года «Земля и воля» раскололась на две самостоятельные организации «Черный передел» (сторонников пропаганды) и «Народную волю» (сторонники террора).

Именно членами «Народной воли», а затем и членами ее Исполнительного комитета стали Ошанина и Баранников.

Тогда же, августе 1879 года, Исполком «Народной воли» вынес смертный приговор царю Александру II. Мария Николаевна без колебания голосовала за это, искренне убежденная в необходимости казни царя для улучшения положения народа.

Как член Исполкома «Народной воли», Мария Николаевна в августе-сентябре 1879 года принимала участие в учредительных совещаниях, на которых обсуждалась программа, был принят устав и велась подготовка трех покушений на Александра II, состоявшихся осенью 1879 года. Ошанина вела серьезную организаторскую работу среди тех, кто вступал в «Народную волю», организовывала их быт. Одна из деятельниц «Народной воли» Г. Ф. Черняховская-Бохановская так вспоминала об Ошаниной, увидев ее первый раз в квартире на Кирочной улице: «Она мне сразу понравилась: у нее была особая обстоятельная манера обращения с людьми. Она так участливо и деликатно входила во все подробности и душевного настроения, и материальной обстановки, что сразу вызывала к себе доверие». Мария Николаевна знакомила новичков с организацией, их ролью, с целями и задачами на ближайшее время.

Когда народовольцы в целях пропаганды своих взглядов создали подпольную типографию, в которой печаталась газета «Народная воля» и листовки, то весь тираж обычно доставляли сначала на одну из конспиративных квартир, откуда уже разносили по другим адресам. Осенью 1879 года одной из таких была квартира М. Н. Ошаниной на Невском проспекте, в доме № 57 (ныне № 59).

Еще одна известная народоволка Вера Николаевна Фигнер так писала о Марии Ошаниной в своих мемуарах «Запечатленный труд»: «Мария Николаевна была женщина тонкого ума, ловкая, настойчивая и энергичная, и это обеспечивало ей влияние, центром ее деятельности был не Петербург, а Москва, где она поселилась уже в самом начале «Народной воли».

Именно в Москве ею было найдено место для народвольской типографии после того, как возникли трудности в Петербурге. Эта типография после гибели Петербургской печатала все документы и листовки народвольцев (к примеру, программу Исполнительного комитета «Народной воли»). Когда же Мария Николаевна убедилась, что за квартирой, где она жила, следят, то переехала в типографию и жила здесь безвыездно, посвятив себя печатанию народвольческой литературы.

После убийства Александра II и последовавших вслед арестов народвольцев типографию было решено ликвидировать. Ошанина, чтобы избежать ареста, выехала в 1882 году за границу. Поселилась она в Париже. Вплоть до последних дней жизни она была связана с оставшимися в живых и тоже уехавшими за границу народвольцами, выполняла обязанности секретаря «Вестника» и «Народной воли».

Последние годы жизни она болела, страдая сильнейшими головными болями и, может быть, не желая больше мучиться, решилась в 1898 году на самоубийство. Похоронена она в Париже. Провожали ее в последний путь старые товарищи, хотя она в завещании была против этого.

НАТАЛЬЯ И ЕЛИЗАВЕТА

Средняя и младшая сестры всю жизнь свою старались следовать за старшей — Марчей. Следом за ней они поступили в Орловскую женскую гимназию, во время обучения в которой тоже посещали кружок Зайцевского. Наталья вместе с Марией после окончания гимназии уехала в Петербург, где поступила на фельдшерские курсы. Учась на них, она стала активным членом «Земли и воли». Именно Наталья вышивала слова «Земля и воля» на красном знамени, которое рабочий Яков Пстапов поднял на демонстрации у Казанского собора в 1876 году.

Закончив фельдшерские курсы, Наталья, следуя заветам народников, уехала в Воронежскую губернию, где работала фельдшерницей и вела революционную работу среди крестьян. В 1880 году она возвратилась в Петербург. Там она стала хозяйкой конспиративной квартиры, которую посещали многие народвольцы, в том числе и Николай Клеточников, тайный агент «Народной воли» в департаменте полиции. Благодаря ему народвольцам долгое время удавалось избегать арестов.

Вынужденная жить в полной изоляции, Наталья Николаевна могла видаться только с одной — двумя приятельницами с разрешения комитета. Такая жизнь, похожая на одиночное заключение, настолько расстроило ее здоровье, что через

год пришлось дать ей отпуск и ликвидировать так хорошо налаженное место встреч, в результате чего строгая конспиративность нарушилась.

В 1831 году Наталья Николаевна переезжает на постоянное жительство в Орел и активную деятельность в «Народной воле» прекращает.

Елизавета Николаевна после отъезда сестер в Петербург вместе с несколькими подругами содержала швейную мастерскую, доходы от которой шли на содержание трех девушек из бедных семей (здесь сказалось влияние книги Н. Г. Чернышевского «Что делать?»).

В 1873 году младшая из Оловенниковых переехала тоже в Петербург и поступила на медицинские курсы. Жила она вместе с четырьмя другими молодыми девушками тесной коммуной, главным принципом существования которой была взаимопомощь. Учась ча курсов, Елизавета Николаевна была дружна со многими народовольцами: А. Квятковским, С. Перовской, и другими (С. Халтурным, А. Желябовым, Гельфман, Якимовой).

До ноября 1880 года революционная деятельность Елизаветы ограничивалась ведением революционной пропаганды среди медичек и сбором денег для нужд организации. Кроме того, ее квартира служила местом конспиративных встреч, а зажженная на окне лампа показывала подходящим к квартире, что все в порядке и безопасно: можно заходить.

С осени 1880 года, когда началась тщательная подготовка к казни царя, Исполком «Народной воли» принял решение с ноября 1880 года установить наблюдение за передвижением царского экипажа. В состав шести наблюдателей была включена и Елизавета Оловенникова. Она в паре с народовольцем Тырковым наблюдала за царем в районе Зимнего дворца, около Летнего сада и по Екатерининскому каналу. Дежурства чередовались через 3 — 4 дня.

С ноября 1880 года по февраль 1881 года Елизавета Николаевна видела царя 8 — 10 раз. Вести наблюдение было очень опасно, так как по маршруту царя всюду была охрана.

Арестованный после убийства Александра II на месте народоволец Рысаков на допросе среди многих имен назвал Елизавету Оловенникову. Она была вскоре арестована и помещена вначале в Дом предварительного заключения, где находилась до половины августа 1881 года. Затем ее перевели в Петропавловскую крепость. Здесь, сидя в одиночной камере, не видя и не слыша ничего, кроме постоянного боя часов, Елизавета Николаевна заболела тяжелым нервным расстройством.

Ее признали больной и потому не осудили, а отправили в Казанскую окружную больницу. Она под строгим надзором пробыла там долгих 9 лет. В 1891 году Елизавету Николаевну отправили домой, в Покровское, под полицейский надзор местного станового пристава и к матери — под домашний уход.

Сюда же из Орла приехала и средняя сестра — Наталья и вплоть до 1924 года сестры жили вместе. Причем, поскольку здоровье Елизаветы Николаевны стало заметно лучше, она после смерти матери взяла на себя заботы о больной Наталье.

Находясь в Покровском, Елизавета Николаевна обучает грамоте деревенских ребятишек. Ее ученики впоследствии заканчивали городское училище в Малоархангельске, а некоторые поступали в университет.

Наталья Николаевна умерла в 1924 году в селе Покровское и похоронена на местном кладбище. А Елизавета Николаевна после ее смерти переехала в Орел, где и жила последние годы своей жизни, поддерживая связи с оставшимися в живых товарищами по «Народной воле» (с Тырковым, с Юлией Квятковской).

В 1926 году для энциклопедического словаря Гранат Е. П. написала автобиографическую статью, в которой рассказала о своей непростой жизни.

«Орловская правда» 23 июня 1932 года сообщила, что «25 июня в 16 часов скончалась 76-летняя революционерка, политкаторжанка Оловенникова. Погребена 27 июня в 6 часов вечера на Троицком кладбище».

Так закончили свой жизненный путь три сестры, решившие революционным путем, с помощью террора — убийством царя помочь народу — и потерявшие в этой борьбе свое здоровье, почти не имевшие личной жизни. «Все для блага народа», — так действовали они. В этом их величие и трагедия.

Братья Оловенниковы — Андрей, Михаил и Сергей после отъезда сестер на учебу, а затем в Петербург жили жизнью помещиков средней руки. У Михаила было небольшое поместье в д. Юрьево. Там жил нерегулярно, и сколько служил сержантом гв. артиллерии в Сосноле и старшим урядом в 1-м Общественной жизни гв. батальона (в начале века входил в состав членов Орловской ученой архивной комиссии).

Поместье в самом Покровском перешло после смерти отца младшему сыну — Сергею Николаевичу, который вместе со своей женой Верой проживал в небольшом доме Оловенниковых вплоть до событий 1917 года. После революции следы братьев Оловенниковых теряются.

В их помещицьем доме в 30-е годы была размещена контора Покровской МТС, долгое время сохранялся вокруг него большой сад.

Осенью 1941 года наши войска, оставляя район и выходя приказ ничего не оставлять врагу, сожгли дом Оловенниковых. От их усадьбы в настоящее время сохранились только подвал.

На здании конторы Покровского РТП, которая расположена на месте старинного дома Оловенниковых, помещена мемориальная доска с надписью: «На этом месте стоял дом, в котором родился и выросли активные деятели «Народной воли», сестры Мария Ошанипа, Наталья и Елизавета Оловенниковы».

В поселке Покровское есть улица сестер Оловенниковых. В музее школы помещен материал об их жизни и деятельности.

Земство и начало здравоохранения в Покровском районе

Очень большую роль в общественной жизни России (особенно на местах) сыграли во второй половине XIX и начале XX века Земские учреждения (земства). Созданные в 1864 году, они занимались большим и разнообразным кругом хозяйственных и культурных вопросов на территории уезда и губернии. Они ведали строительством дорог местного значения, здравоохранением, народным просвещением, страхованием, агрономической деятельностью и т. д.

В свое время В. И. Ленин назвал земства «питом колесом в теле государственного управления, поскольку реальной власти они не имеют, будучи поставлены под контроль администрации губернаторов и помещиков. Но тем не менее, земства принесли большую пользу для развития в России здравоохранения, образования, путей сообщения и т. д.

Материалы, хранящиеся в Государственном архиве Орловской области, позволяют выявить активную деятельность Малоархангельского уездного земства, которое разрабатывало своды работ на территории нынешнего Покровского района.

Для того, чтобы оценить его значимость, рассмотрим конкретно направления его деятельности. Первые годы существования Малоархангельское земство проработало на организационные вопросы (как проводить земские собрания, как избирать гласных, чем заниматься земской управе как постоянно действующему органу и другие, требовавшие определенного времени).

Первое практическое дело, которое налага осуществлять Малоархангельская земская управа, — организация здравоохранения в уезде.

14 января 1870 года состоялось открытое земское собрание Малоархангельского уезда, на котором по предложению председателя земской управы Скворцова Д. Я. обсуждался доклад, а затем было принято решение об устройстве трех больниц в уезде (городская уже существовала).

В целях развития сети здравоохранения было предложено создать три больницы в сельских населенных пунктах Малоархангельского уезда — в с. Алексеевке, Дросково, Кочине. Два медицинских участка из четырех находились у нас в наличии: в с. Алексеевка (2 участок) и Дросково (3 участок).

Вначале предполагалось эти больницы построить из хорошего соснового леса, на каменном фундаменте, закупить инвентарь, посуду, медицинские оборудование и построить соответственные помещения (сагаи, ледник, погреб, баня и т. д.).

На заседании земской управы 2 марта 1870 года председатель управы сообщил выборным гласным, что им лично для больницы в с. Дросково куплен уже готовый дом для лечебницы за 325 рублей и намечены для покупки дома в двух других селах.

Один из гласных — инженер-полковник Лавренюс согласился добровольно быть техником (наблюдателем) за постройкой лечебниц безвозмездно.

В марте 1871 года на заседании земской управы был заслушан отчет о работах земства за 1871 год. В числе прочих были газзаны и постройки больниц. Причем для их создания были использованы купленные дома. Так, в селе Дросково у госпожи Харичковой и дьячка Богданова за 800 рублей серебром были куплены дом, флигель и надворная постройка, которые послужили основой больничных помещений (с особым флигелем для квартиры фельдшера, аптеки, и кухни с сагаем, с ледником и погребом).

В селе Алексеевка решено было не создавать больницу, поскольку там не удалось купить готовый дом. Он был куплен (с надворною постройкой и усадьбой) в д. Черемуховая Плота (Юрьево) у госпожи Лавренюс за 1750 рублей серебром.

Комиссия земской управы в марте 1871 года, осмотрев помещенные больницы,

нашла что все постройки проведены удовлетворительно, требуется лишь покрасить полы, двери и окна, отштукатурить потолок, стены снаружи и внутри, что и было сделано летом 1871 года.

С 1871 года Дросковская и Черемухоплотская больницы начали прием больных, а с 1872 года стал работать стационар (на 20 больных в каждой из больниц).

Земская управа разработала инструкции по заведению земскими больницами и об улучшении медицинской частью, причем было сказано, что лечение немущих и заболевших заразными болезнями производить бесплатно, а остальные платят 1 рубль серебром в месяц — за лечение и 75 копеек за питание (или сдать в больницу пуд ржаной муки и гарнц круп или пшена).

Каждая из больниц получила своего попечителя — человека, на добровольных началах оказывающего ей помощь. Так, попечителем Черемухоплотской больницы стал Мацнев Александр Дмитриевич. Попечителями Дросковской больницы стали Анастасия Киреевская, Домна и Александр Николаевич Киреевские.

С самого начала существования была выкуплена у Малоархангельского провизора Линде его аптека в городе. Она стала собственностью земства, которое организовало отделения аптеки при всех сельских уездных больницах.

Через 12 лет, когда выяснилось, что больницы свою роль по народному здравоохранению играют неплохо, стали выполняться меры по улучшению их материальной базы. Черемухоплотская больница в д. Юрьево оказалась во многих отношениях неудобной для приема больных, и в 1883 году земское собрание приняло решение построить больницу в с. Покровское, где в дар земством был получен земельный участок в две десятины от наследников помещика Покатилло и госпожи Рашток. Участок этот был расположен очень удобно, прилегал к Ливенско — Орловской почтовой дороге. Именно здесь стала строиться Покровская земская больница, открытая для стационарных больных в феврале 1887 года. Из отчетов земской управы можно определить, что в 1887 году для нужд этой больницы было закуплено 20 мисок с тарелками, 20 солонок, 20 кружек, 20 плетельниц, 1 таз медный, 2 чугуна, 3 ведра из белой жести, 2 половые щетки, 1 весы с прибором, дюжина чашек и чайников. А также были сделаны по заказу — 1 шкаф, 6 стульев, 9 маленьких столиков и 20 табуреток, куплено четыре лампы со стеклами и четыре пары валенок.

Была также приобретена ткань (парусина, тик) для шитья халатов, одежды, простынь, матрасов, пододеяльников.

В отчете земской управы за 1888 год говорилось, что больница имеет ряд недостатков: она не вполне отделана и не совсем приспособлена к больничным нуждам. Построенные помещения неудобны для дезинфекции, холодны, порою запах распространяется по всей больнице, портя воздух. Зимой же в стены сильно дуло, приходилось больше топить, что вело к перерасходу топлива и неравномерному обогреву. Отсутствовала и баня.

Но тем не менее больница начала свою деятельность, и в 1888 году в стационаре лечались 215 человек (180 выписались, 21 остались на 1889 год, 14 человек умерли).

Персонал в Дросковской и Черемухоплотской, а затем в Покровской больницах был небольшой и постоянный: врач, фельдшер, младший фельдшер, фельдшер-оспопрививатель, сторож, сиделка, кухарка, акушерка.

Прием больных в амбулаторию осуществлял врач. В Покровской больнице врачи постоянно менялись, а вот в Дросковской с 1885 года по 1909 год (24 года) работал добросовестнейший врач и помощник всех больных Ф. В. Сафронов.

Питание больных различалось по сложности заболевания. Для нетяжелых больных в день полагалось 2 фунта черного хлеба, полфунта говядины, четверть фунта крупы, четверть фунта пшена и горячее (щи, суп или лапша).

Для средних больных — то же самое, но вместо 2 фунтов черного хлеба давали два фунта белого.

Для тяжелобольных дополнительно полагался 1 штоф молока, 2 фунта белого хлеба, чай утром и вечером, иногда молочная каша. Самым слабым больным иногда давали вино, яйца, куриное мясо, куриный и говяжий бульон.

В 1888 году каждый больной в Покровской больнице (в стационаре) в среднем пробыл 27 дней, а за его содержание и лечение было получено 160 рублей 96 копеек.

В амбулатории проходящих больных принимали ежедневно с 10 до 3 часов дня, а тяжелобольных — в любое время дня и ночи.

Заработная плата медицинского и обслуживающего персонала была следующей: врач получал 1200 рублей в год, старший фельдшер — 300 рублей, младший фельдшер — 240 рублей, акушерка — 300 рублей, служитель — 120 рублей, кухарка и сиделка — 72 рубля.

Вот так начиналось во второй половине XIX века медицинское обслуживание на территории нашего района.

4 января 1901 года при селе Топки Верхососенской волости был открыт приемный покой пятого медицинского участка (врач и два фельдшера), после того, как местный купец Ильинский пожертвовал две десятины земли под строительство больницы, она была открыта к 1910 году.

Земская управа большое внимание уделяла ремонту. И на ее заседаниях этот вопрос обсуждался в отношении Дросковской, Покровской больниц.

Даже в период первой мировой войны забота о здравоохранении со стороны земств присутствовала.

С 6 июля 1916 года (хотя и не в совсем законченном виде) стала действовать Столбцовская больница, инвентарь которой был приобретен благодаря содействию попечителя больницы М. М. Мацнева.

К 1917 — 1918 годам предполагалось открыть еще и Трудкинскую больницу, поскольку и деньги, и стройматериалы, и 2 десятины земли — все это имелось. Но ее построить не удалось, поскольку в 1917 году произошли две революции, а затем началась гражданская война.

Любопытным является описание крестьян Малоархангельского уезда, опубликованное во «Врачебной газете за 1903 год: «По наружному виду они производят впечатление как будто большей зажиточности, чем население других уездов Орловской губернии, но это только по-видимому: в самом же деле они в своих трудовых и бытовых условиях, в своем питании и здоровье едва ли чем отличаются от своих соседей и от прочих крестьян нашего обширного Отечества».

И здесь же, в №28 «Врачебной газеты» за 1903 год приведены данные по Покровскому на Липовице приходу (доктора Хейфица) за период 1893 —

1902 г. г. (за 10 лет): «Средняя рождаемость в год на 1000 чел. — 50; смертность в год на 1000 чел. — 37, средний прирост — 13 чел.».

Причем среди больных значительное число составляли больные желудочно-кишечными болезнями (из-за недостаточного и плохого питания, из-за 197 постельных дней, когда ели в основном ржаной хлеб, а в пище не хватало белков и жиров).

Эти заболевания, а также многие другие лечили земские врачи — благородные, трудолюбивые люди — и упомянутый выше врач Дросковской больницы Сафронов, и сменивший его Малиновский, и врач Покровской больницы — Матросова, Рабинович, Покатилло (он же был одним из тех, кто пожертвовал землю под строительство больницы).

Народное просвещение на территории Покровского района в начале XX века

Прежде чем говорить о народном просвещении в нашем крае в начале XX века, необходимо объяснить, что собой представляла вообще начальная школа в России в это время (средних и высших общеобразовательных учреждений в Малоярославском уезде не было).

Начальные училища имели обычно 3 — 4-летний курс обучения (4-летний курс имели около одной четверти всего числа школ) и назывались одноклассными начальными училищами.

Если число учащихся не превышало 50 человек, то в школе был один учитель. Такая школа называлась однокомплектной. При большем числе учащихся приглашался второй учитель. Школа имела две классные комнаты и называлась двухкомплектной. В таких школах курс был четырехгодичным.

Кроме одноклассных начальных училищ, было небольшое количество двухклассных, курс которых продолжался обычно 5 лет (иногда 6 лет). В двухклассном училище первые 3 или 4 года считались первым классом, а последние 2 года — вторым классом.

В одноклассном начальном училище занятия велись по программам 1897 года по следующим предметам: закон божий, русский язык (чтение, письмо, грамматика), арифметика (счисление и четыре арифметических действия с целыми числами) и пение.

На уроках русского языка в порядке объяснительного чтения сообщались элементарные сведения по природоведению, истории России и физической географии.

Методами обучения в начальных школах были беседа, работа с учебником, рассказ учителя, письменные и графические работы. Наиболее ценные работы учителя практиковали занятия на пришкольных участках (огородничество, садоводство).

В двухклассных училищах по русскому языку изучался синтаксис и ставился небольшой курс литературного чтения, проходилась полная курс арифметики. А

курсы природоведения, физики, геометрии, истории и географии выделялись в особые предметы.

Наиболее распространенными и прогрессивными учебными книгами в начальных школах были: «Родное слово» К. Д. Ушинского, «Азбука» и «Русские книги для чтения» Л. Н. Толстого и некоторые другие.

Начальные училища делились на следующие типы: земские, городские, министерские, фабричные, железнодорожные, церковно-приходские, школы грамоты.

Лучшими, несомненно, были земские школы, хотя многие ученики, научившись читать и писать, на втором году обучения бросали школу.

Церковно-приходские же школы давали религиозное воспитание, элементарную грамотность и мало реальных знаний.

Правда, к 1916 году постоянно росло число земских школ — и соответственно уменьшалось количество церковно-приходских.

Школы грамоты давали основы элементарной грамотности (умение читать и писать).

Согласно данным малоархангельской земской управы, в 1901 году на территории Покровского района было три вида учебных заведений: начальные училища (земские и Министерства народного просвещения), церковно-приходские школы и школы грамоты.

Подавляющее число народных училищ было на содержании у земства (только Дросковское и Вепринское училища относились к Министерству народного просвещения, Вепринское потом было передано земству). Всего земских училищ было четырнадцать: Верхососенское, Воробьевское, Вышне-Жерновское, Вязьское, Грязновское, Зиновьевское, Нижне-Сосенское, Никольское, Ново-Слободское, Орляновское, Самарское, Смирновское, Топковское, Шалимовское. К числу лучших из них относились Верхососенское и Вышне-Жерновское.

Церковно-приходских школ в 1901 году было 15: Верхососенская 1-я и 2-я, Высокинская, Дросковская, Журавецкая, Ивановская, Нижне-Кунацкая, Протасовская, Покровская, Столбечая, Трудкинская, Троицкая, Успенская, Пугдаевская, Федоровская мужская и женская.

Школ грамоты было 21: Алексеевская, Башкатовская, Воробьевская, Береченская, Верхотрудская, В-Жерновская, Вязьская, Грачевская, Критовская, Лазаревская, Муратовская, Медвежинская, Новосильевская, Никольская, Соломатовская, Тимирязевские 1-я и 2-я, Туровецкая, Топковская, Гремячевская и Юдинская.

В некоторых из перечисленных населенных пунктов были как земские училища, так и церковно-приходские школы (в Верхососенье, Воробье), но таких деревень или сел было мало.

Более глубокие и прочные знания, как писалось выше, давали земские школы, ориентированные на светский характер обучения.

Все земские училища были одноклассными, со сроком обучения 3 — 4 года. Только Дросковское училище, относившееся к Министерству народного просвещения, было двухклассным. Обучение в нем продолжалось 5 лет. Большинство школ были однокомплектными (то есть с числом детей менее 50).

В течение всех 16 лет XX века, вплоть до революции 1917 года число школ росло (в основном за счет земских хлопот). Так появились училища в Теряево (Княжное), Черемуховой Плите (Юрьево), Чернассах

Росло и число обучающихся детей. Так, в Дросковском двухклассном училище в 1904—1905 годах обучалось 137 мальчиков и 7 девочек (194 человека), а закончили полный курс в этом году 40 мальчиков и две девочки. В этом училище, кстати, кроме обычных предметов учащиеся изучали столярное и токарное дело (для этого имелись станки), занимались с кузнечным ремеслом в находившейся рядом кузнице.

Большинство земских училищ имели попечителей, так, в Черемухоплотовском училище попечительницей была Надежда Владимировна Оловенникова, жена Михаила Николаевича Оловенникова.

На очередном земском собрании 1912 года было принято решение ввести в действие план всеобщего обучения в Малоархангельском уезде, рассчитанный на 12 лет. Предполагалось за эти 12 лет (до 1925 года) ввести в школах дополнительно 41 комплект с пристройками для обучающихся. Намечено было построить и новые школы, в первую очередь в д. Николаевка, в Батчике, Перехожем, Сабурово, Тетерье, Зубковской и некоторых других населенных пунктах. План этот начал выполняться, но, к сожалению, в реализации его возникли серьезные проблемы — прежде всего финансовые.

Денег в земской казне было всегда немного, и даже ремонтные работы порой ставили земство в трудное положение. Так, в счете земской управы за 1916 год «О состоянии школьных зданий Малоархангельского уездного земства» сообщалось, что «Состояние школьных зданий приходится признавать настолько печальным и требующим принятия столь срочных и серьезных мер, что Управа сочла своим долгом сделать подробный доклад Земскому собранию с планом своих предложений по этому вопросу».

Далее приводятся данные по всему уезду, но они, несомненно содержат сведения и о территории нашего района. Итак, из 85 имеющихся школьных зданий только 24 вполне пригодны, 14 могут послужить после капитального ремонта, 4 школы можно переделать, а 41 школьное здание до того ветхо, что даже к ремонту непригодно: потребуются ломать, пока не рухнуло само. Да еще требовалось построить 68 школьных зданий для выполнения плана по переходу ко всеобщему начальному обучению.

И все-таки, несмотря на тяжелое финансовое положение, земская управа не только сумела найти значительные средства для ремонта и постройки школ, но и в этом же 1916 году в условиях первой мировой войны как никогда много вложила на очередном земском собрании на посылку школам.

Были увеличены хозяйственные расходы школ, возросли ассигнования на книги, учебные пособия, школьные принадлежности, стали создаваться школьные библиотеки, было принято решение по созданию 10 передвижных музеев. Учреждены школьно — строительные комиссии, начали более активно развивать внешкольное образование (создавались народные дома, библиотеки, народные оркестры, книжные склады и т. д.).

Земство постоянно и целенаправленно работало на благо народного просвещения, а отдельные земские работники личным примером старались помочь этому.

Так, гласный выборный Н. Д. Языков помог укреплению материальной базы Дросковского училища (для него были приобретены токарный и слесарный стан-

ки). М. Н. и Н. В. Оловенниковы, имевшие поместья в Юрьеве, заботились о Черемухоплотском училище, помогая материально.

Среди земских учителей, не жалевших своих сил для блага народного просвещения, было много замечательных людей. Большинство из них являлись уроженцами тех мест, в которых они затем учительствовали. 37 лет проработал в народном училище в с. Топки Ардалион Иванович Замятин. Его отец, спасско-лутвиновский крестьянин, переселенный Тургеневою Варварой Петровной в Топки, сумел дать сыну хорошее по тем временам образование. В 1876 году начал работать в Топковском училище Ардалион Иванович и лишь в 1913 году (да и то по состоянию здоровья) он ушел на пенсию. Земская управа, оценив его благородную деятельность, смогла найти средства для того, чтобы выплачивать ему свою пенсию — до назначения пенсии от Министерства народного просвещения.

Две дочери Ардалиона Замятина и его сын продолжали за ним его дело. И старшая из них, Анна, закончив в 1914 году филологический факультет высших женских курсов в г. Москве, сменила отца в Топках. Затем к ней присоединилась и вторая сестра. В Верхососенском училище хорошо работала учительница М. Ашихмина.

В просвещении населения родного края играли важную роль, кроме школ, читальни. Их, правда, было немного, да и книжный фонд там был невелик. Но они посещались многими окрестными жителями.

С 1898 года стала существовать Дросковская библиотека — читальня. Заведовал ею долгое время М. А. Новицкий, подаривший библиотеке 60 собственных книг в первые годы ее существования. А к концу 1901 года в ней уже имелось 709 книг и 363 читателя.

Эту библиотеку финансировало земство, постаравшееся оснастить ее всеми принадлежностями для устройства народных чтений — даже таким новейшим техническим средством того времени, как волшебный фонарь (проецирующее устройство).

Кроме этой библиотеки, усилиями отдельных земских деятелей — помещиков были открыты публичные библиотеки им. Павленкова (известного издателя и книголюбца) в их поместьях. Первая из этих библиотек начала действовать в 1901 году в имении С. Н. Оловенникова в селе Покровское, а в 1903 и 1904 г. г. возникли библиотеки в имениях Л. Н. Мацнева и М. М. Мацнева.

Таким образом, делу народного просвещения в начале XX века в нашем крае уделялось достаточно много внимания, правда, в основном не со стороны государства, а со стороны уездного земства, православной церкви и отдельных помещиков. Именно благодаря их усилиям количество грамотных в нашем крае уже до революции было намного больше числа неграмотных.

Наш край в годы первой русской революции

Революция 1905 — 1907 годов была первой буржуазно-демократической революцией в России. Начавшись с Кровавого воскресенья 9 (22) января 1905 года,

когда в Санкт-Петербурге была расстреляна мирная демонстрация рабочих, она постепенно распространилась по всей территории громадной Российской империи. В революции принимали участие как крупные промышленные районы и отдельные города, так и обширные сельскохозяйственные районы.

Нерешенность земельного вопроса в России к 1905 году активизировала многомиллионное российское крестьянство, поднявшееся на борьбу за эту самую землю, борьбу, часто выражавшуюся в не слишком цивилизованных формах.

Орловская губерния в целом, а Малосархангельский уезд в частности, представляли собой типично сельскохозяйственные местности, поэтому основные события первой русской революции в нашем крае развернулись именно в деревне.

Причем, большинство этих событий происходило в год наивысшего подъема революции — 1905 год, кульминационный.

Первый случай неповиновения крестьян в нашем крае произошел в ночь на 18 апреля 1905 года, когда в имении наследников умершего поручика Александра Викторовича Чичерина произошел пожар, от которого сгорела соломенная крыша, потолки и полы скотного двора и двух изб, а также крыша на леднике. На другой день, 19 апреля, часов в 10 вечера в том же имении, находившемся при д. Чичериной Смирновской волости, пожар повторился, причем одновременно загорелись крыши на каменных сушилке и молотильном сарае, но принятыми мерами огонь на крыше молотильного сарая был потушен, крыша же на сушилке, а также потолок в ней сгорели, 20 апреля пожар вновь возобновился, уничтожив крышу на том же молотильном сарае, веялку и конную молотилку. Убытку пожарам было произведено на 6 600 рублей. По заявлению управляющего имением Давыдова был арестован крестьянин Алексей Тарасов, обвиненный в поджогах, а по этому делу началось судебное дознание.

Этот случай можно было бы считать случайным и единичным, тем более что принимал участие в поджогах только один человек.

Но уже в октябре 1905 года аграрное движение из соседних уездов Орловской губернии перебрасывается и на территорию Малоархангельского уезда, где имело место девять случаев проявления этого движения, четыре из которых произошли у нас, в теперешнем Покровском районе.

Во второй половине октября 1905 года крестьяне деревень Беречки и Березовца начали производить самовольные порубки леса, принадлежавшего церковному причту с. Дросково. Вначале они носили единичный характер, а с декабря массовый, крестьяне заявляли: «Надо рубить поповский лес, за это ничего не будет».

Массовые порубки продолжались до января 1906 года, причем урочище «Оси́на» площадью 27 десятин было вырублено наполовину, а в урочище Студеный лес — 10 десятин, убыток составил 4 500 рублей. Когда полицейский урядник в декабре 1905 года производил обыск у крестьян, участвовавших в порубках леса, крестьяне угрожали ему, а один ударил урядника кулаком по лицу. На допросах же выяснилось, что урядник при обысках забирал и лес самих крестьян. Сторож церковного леса, как выяснилось, вместо охраны сам подговаривал крестьян к порубкам. Правда, уже на суде один из свидетелей, священник Болочевцев, говорил: «Лес хищнически вырублен еще 5 лет назад, а крестьяне стали козлом отпущения».

Обвинявший крестьян товарищ прокурора Орловского суда говорил, что крестья-

яне «действовать организованно, с уверенностью безнаказанности». Суд приговорил поручик из леса к различным срокам тюремного заключения: 5 человек — к одному году, а 28 человек — к четырем месяцам тюрьмы.

В первых числах ноября 1905 года мажорангельский уездный исправник Комша был вынужден разбираться со случаем, происшедшим 1 ноября 1905 года в д. Желановка Успенской волости. В этот день к сборщику податей Тимохину в дом пришли 23 человека крестьян и крестьянок и потребовали от него отдать собранные им 145 рублей, взысканных с них в уплату казенных повинностей. Когда Тимохин отказался вернуть деньги, крестьяне схватили Тимохина, насильно вытащили 145 рублей и разделили их между собой, кто сколько платил податей.

При разборе этого дела становым приставом крестьяне заявили, что все это они сделали потому, что у них нет хлеба и им нечего есть.

19 — 21 ноября 1905 года происходили волнения крестьян д. Толстой в имении Марии Владимировны Кашерниновзй. Начались эти события с того, что 19 ноября на хутор Кашерининский начали собираться крестьяне, во главе которых стояли крестьяне Юркин Андрей и Макарычев Василий, кричавшие: «Пойдем разобьем экономию», но, не дойдя до имения, крестьяне разошлись.

20 ноября у имения вновь появилось человек 50 крестьян, передние из них держали наперевес вилы. Они подошли к риге, где производилась молотба и потребовали прекращения работ. Работы были приостановлены, и крестьяне разошлись опять. В этот же день в деревне был сход по вопросу найма общественного пастуха.

Узнав о предполагаемом сходе, для «умиротворения» крестьян пртехат священник села Троицкого. При его появлении крестьяне закричали: «Нас усмирить, уговаривать приехал?». Священник решил приложить к амбарам экономичт церковные печати, надеясь, что их не сорвут, но ему кричали: «Не печатай, все равно сломаем», после чего крестьяне всей массой двинулись к экономичт, где начали бить стекла и посуду, вывозить из амбаров хлеб и экономическое имущество. Присутствовавшему при этом попу крестьяне кричали: «Уходи, пока не попало», а служащим экономии советовали уходить, говоря: «Теперь мы здесь хозяева!».

После вызова полиции приставом 2-стана в деревне Толстой был произведен обыск и отобран весь вывезенный из экономичт хлеб и имущество. К следствию были привлечены 44 человека. На следствии выяснилось, что «велады» между помещицей и крестьянами д. Толстой начались уже давно — из-за задержек выплаты заработанных денег и больших штрафов за погравы.

Суд приговорил Юркина и Макарычева к году и 2 месяцам тюрьмы. 14 человек оправдал, а всех остальных (26 человек) — к тюремному заключению от 8 месяцев до года.

Среди последних — возвратившиеся из армии запасные чины Василий Гуцкин, Тихон Дырдов, Павел Ерохин.

Особо от других нужно отметить события, происшедшие 24 ноября 1905 года в д. Юрьевой. Крестьяне этой деревни учинили расправу над Петесинским товариществом, принадлежавшим 7 крестьянам. Крестьяне, желая приобрести землю, предлагали продать ее по 170 рублей за десятину, а после отказа членов товари-

щества, явились в товарищество, вывезли к себе на деревню все находившееся там имущество.

При разборе дела священник Владимирского прихода Иоанн Владимирцев сказал: «Это самая бедная деревня в моем приходе, у крестьян и скота нет». Земский начальник Меньшов, допрошенный в качестве свидетеля, говорил обратное и указывал на то, что крестьянам этой деревни выдавалось продовольственное пособие. А между тем от продовольственного пособия многие крестьяне этих деревень сами отказались, требуя вернуть им деньги, внесенные в общественный капитал, с тем, чтобы самим купить хлеб на более легких условиях и поделить его между немущими.

Именно ноябрь 1905 года стал месяцем самых активных выступлений покровских крестьян, затем было затишье до лета 1906 года.

13 июня этого года крестьяне д. Коровенки Успенской волости во главе со своим сельским старостой два раза являлись в усадьбу господина Кузнецова и требовали приостановления рабочих работ, под угрозой крестьян работы приостановили, но при приезде пристава 2-го стана утром 14 июня работы возобновились. В этом случае дело закончилось однодневным прекращением работ в помещичьей экономии. Хотя в целом к концу июня настроение крестьян уезда было вообще приподнятое, выжидательное, и с каждым днем приподнятость возрастала.

Владельцы имений, расположенных в районе Покровской и Успенской волостей, ходатайствовали о расквартировании в их местностях воинских частей, опасаясь крестьянских выступлений более серьезного масштаба.

К началу июля в крестьянской среде, особенно Алексеевской и Успенской волостях, получила популярность идея крестьянского союза (в крестьянах укоренилась надежда, что земля в недалеком будущем поступит им).

Газета «Орловский вестник» 12 июля 1906 года напечатала корреспонденцию с пересказом требований крестьян Алексеевской волости об издании закона о демократических свободах, улучшении условий труда и наделении крестьян землей.

Эти требования, составленные на волостном сходе, крестьяне направили в Государственную думу.

Наряду с общими моментами, в этом приговоре речь шла и о крестьянских проблемах. В частности, крестьяне Алексеевской волости требовали разработать закон о замене всех видов налогов одним прогрессивным подоходным налогом, с освобождением от налога доходов. Во-вторых, крестьяне требовали организовать обязательное и бесплатное обучение в низших школах. Третье требование касалось амнистии политических осужденных и тех, кто пострадал за аграрные беспорядки, отмены смертной казни и предания суду всех лиц, ответственных за еврейские погромы. На основании этих требований можно убедиться в достаточной политической зрелости алексеевских крестьян.

После подписи приговора волостной сход избрал одного крестьянина, которому и поручено было приговор передать трудовой группе, а также собрал ему 300 рублей на дорожные расходы.

Аграрное движение крестьян нашего края было одной из капель, которые в конце концов продолбили камень царского невнимания к крестьянским нуждам и вынудили самодержавие провести аграрную (стольпинскую) реформу, способствовавшую более быстрому развитию капитализма в сельском хозяйстве.

Наши земляки в социал-демократическом движении

В конце XIX — начале XX века в общественной жизни Российской империи большую роль начинают играть социал-демократические движения. Вообще социалистические идеи были популярны в России и раньше, они находили свое отражение в произведениях известных деятелей середины XIX века — Герцена, Петрашевского, Белинского, землевольцев и народвольцев. Но лишь во второй половине XIX века, когда Маркс и Энгельс попытались дать научное обоснование социализма и с распространением этих идей в России можно говорить о заметном влиянии их на политическую жизнь страны.

Мы не собираемся в этом очерке давать анализ всего комплекса проблем социал-демократического движения конца XIX — начала XX века, просто следует знать, что полного единства среди тех, кто исповедовал марксизм и его научно-социалистические идеи, не было, да и не могло быть — по разному смотрели на мир даже рядом стоявшие люди.

Одни («легальные марксисты», к примеру) полностью отрицали революционное насилие и диктатуру (т. е. неограниченную власть) пролетариата, другие — наоборот, признавали только насильственные действия для достижения благой цели — народного счастья, третьи колебались между первым и вторым, пытались иногда примирить их враждебные позиции.

Как известно нам из истории, большинство все-таки в социал-демократическом движении составили в России сторонники Ленина — большевики, признававшие революционное насилие для свержения самодержавия и установления затем диктатуры пролетариата для построения социализма.

Среди наших земляков — покровчан есть несколько человек, принимавших участие в социал-демократическом движении России в конце XIX — начале XX века. Это братья Иосиф, Яков и Семен Дубровинские, Клавдий Остров и Тимофей Бондарев.

Самой крупной фигурой из них является, несомненно Иосиф Дубровинский. Он родился в 1877 году в с. Покровское-Липовец в семье мелкого арендатора. Вскоре после смерти отца семья Дубровинских переехала в Курск, где Иосиф поступил в реальное училище. В 5-ом и 6-ом классах он уже совсем сблизился с революционно настроенной молодежью.

В 1895 году Дубровинские из Курска переехали в Орел, и Иосиф, поступивший в дополнительный класс реального училища, не слишком обременял себя учебными заботами, занявшись изучением марксизма в нелегальном кружке, основанном годом ранее Родзевичем-Белевичем, Пересом, Никитиным и другими.

С этого времени начинается уже жизнь профессионального революционера — тайные совещания, переезды из одного города в другой. Из Орла Дубровинский уехал в Москву, где становится активным членом «Московского рабочего союза», по делу которого в 1897 году привлекается к дознанию Московским Губернским

жандармским управлением (по обвинению в принадлежности к тайному кружку, а также в хранении и воспроизведении подпольных изданий).

После завершения дознания был выслан под гласный надзор полиции на четыре года в г. Яранск Вятской губернии.

В марте 1902 года ему было разрешено перейти по болезни на жительство в Астраханскую губернию, где, несмотря на надзор полиции, он стал активным агентом «Искры». После отбытия срока наказания (12 июля 1903 г.) Дубровинскому было воспрещено жительство в столичных губерниях на 5 лет, и поэтому он переезжает в Самару. Здесь он сблизился со многими активно действующими социал-демократами.

После второго съезда РСДРП стал на сторону Ленина, хотя далеко не всегда следовал за ним безоглядно, всегда старался иметь свою точку зрения и отстаивать ее.

В период русско — японской войны написал несколько листовок (Иннокентий — такой была его партийная кличка — обладал неплохим пером публициста), которые распространялись по Самарской губернии и в воинских эшелонах. В феврале 1905 года Иосиф Федорович был арестован, но за недостатком улик выпущен на свободу.

Во время первой русской революции 1905 — 1907 г. г. показал себя выдающимся организатором революционной борьбы. В октябре 1905 года Дубровинский принимал участие в вооруженном восстании матросов и солдат в Кронштадте, где лишь чудом избежал ареста после разгрома (притворившись сильно пьяным, он на лодке сумел добраться до Петербурга). Из Петербурга он перебрался в Москву, где в декабре 1905 года становится одним из руководителей Декабрьского вооруженного восстания, руководил отрядом в Замоскворечье) после поражения которого проводил работу по укреплению Московской организации РСДРП.

В феврале 1907 года Дубровинский участвует в подготовке V съезда РСДРП, а в марте этого же года он был задержан в Москве как председатель конференции, созванной для выбора делегатов на общепартийный Лондонский съезд. После задержания ему было разрешено выехать за границу, куда он и выбыл в мае 1907 года, успев на последний день работы V съезда РСДРП. На этом съезде он был избран членом ЦК и членом большевистского центра.

На Лондонском съезде было решено избрать ЦК из 15 человек, в состав которых должны были войти 5 большевиков, 5 меньшевиков, 5 националов (2 поляка, 2 фундиста и 1 латыш), причем последние на самом съезде не избирались, а должны были назначаться национальными социал-демократическими центральными комитетами. Т. е. Лондонский съезд избрал только 10 членов ЦК (5 большевиков, 5 меньшевиков) и 10 кандидатов к ним (5 + 5) на случай выбытия кого-либо из членов ЦК по различным причинам.

В числе этих большевиков вместе с Лениным, Зиновьевым, Ногиным, Лозинским был и наш земляк Иосиф Федорович Дубровинский. Он к тому же вел активную практическую работу вплоть до 1910 года — до своего ареста (это произошло в Москве). Причем Дубровинский был одним из трех членов ЦК (как среди большевиков, так и среди меньшевиков) кто сумел три года (с 1907 — по 1910 год) вести большую организационную работу среди народа и рядовых членов партии.

К 1910 году в партии (по сведениям агентуры) имелось четыре течения —

1. Течение центр. органа «Социал Демократ» (Ленин, Зиновьев, Плеханов).
2. «Голосовцы» — ликвидаторы, выступавшие за ликвидацию подпольных органов партий (Мартов, Дан, Богданов и другие).

3. Примиренческое (Троцкий, Дубровинский, Ногин — газета «Правда»), ставившее своей задачей примирить первое и второе течение.

4. «Отзовисты», выступавшие только за нелегальные методы борьбы (но здесь нет влиятельных деятелей).

С точки зрения светских стенок любопытно посмотреть на позицию Иосифа Дубровинского. По крайней мере, теперь его примиренческую позицию так категорично осуждать никто уже не решился бы.

Может быть, в том был смысл — сблизить позиции большевиков и меньшевиков?

Подробную характеристику позиции большевиков — примиренцев дал в своем докладе 9 августа 1911 года М. И. Брядинский, крупный агент «охранки». Вот что он писал: «Эта группа с полным основанием считающая своим духовным родоначальниками и руководителями «Иннокентия» (Иосиф Дубровинский), «Макара» (Виктор Ногин), «Алексея» (Рыков), «Леву» (Горфуннель) и «Матча» (Любимов) имеют значительное число приверженцев и последователей, главным образом среди имперских партийных работников, и будет играть особую видную роль в дальнейших делах партии, если осуществится конференция и маломальская окрепнет работа «на местах». В противном случае они, вероятно, сольются с группой «ленинцев» (что произошло в дальнейшем).

После Лондона Дубровинский возвращается в Россию, но уже в декабре 1907 года вновь едет за границу для организации издания газеты «Пролетарий». К февралю 1908 года в Женеве собралась все из России, кто должен был стать «Пролетария». Фактически редакторами газеты были трое: Ленин, Богданов, Дубровинский, на последнего возлагалась работа, с которой он успешно справился в течение почти двух лет. Причем, выпуск газеты шел в условиях острых споров даже между самими редакторами, которые часто по многим вопросам расходились, хотя в конце концов находили затем компромиссные варианты.

В 1903 году Дубровинский участвовал в пленарных заседаниях ЦК РСДРП (проходили они в Женеве), после чего выехал в Россию для подготовки съезда партии и 29 ноября 1908 года был арестован на Петербургском вокзате Варшавской железной дороги и вскоре отправлен в ссылку в Вологодскую губернию, откуда бежал за границу.

Весной 1909 года среди партийных работников за границей возникла мысль об организации особой школы для подготовки опытных и серьезных профессюгалов из рабочей среды. Главным основанием для организации подобной школы являлось, с одной стороны, желание дать возможность принять участие в наиболее ответственной деятельности самих рабочих, а с другой — отсутствие должного числа опытных интеллигентных руководителей.

Среди тех, кто читал лекции для слушателей школы — был «Иннокентий» (Иосиф Дубровинский).

С 15 января по 5 февраля 1910 года в Париже проходили пленарные заседания ЦК РСДРП, задача которых была примирить враждующие группы, создав

единый центр партии, результаты заседаний в принятии нескольких важных для будущего партии решений.

Одним из таких решений было следующее:

Реорганизовать Заграничное БЮРО ЦК, состав которого определен в 5 лиц («пятерка»): 1 большевик, 1 меньшевик, 1 поляк, 1 латыш, 1 бундовец. От большевиков членом заграничного БЮРО ЦК был избран «Иннокентий» (Иосиф Дубровинский).

Весной 1910 года Дубровинский вновь приезжает в Россию для работы в Русском бюро ЦК «Московской организации», но в июне этого же года его в очередной раз арестовывают и высылают на 4 года в Туруханский край. И здесь, не дождавшись царской амнистии по случаю 300-летия династии Романовых, Дубровинский погибает в мае 1913 года (утонул в Енисее).

Так погиб один из видных социал-демократов начала века, кого знали, уважали и ценили как выдающегося организатора вожди социал-демократов России, в том числе и Ленин.

Правда, трудно сказать, была бы его судьба счастливой, доживи он до революции 1917 года, ведь его товарищи — «примиренцы» после революции, в 30 г. г. подверглись репрессиям и распрощались с жизнью.

Младший брат Иосифа Федоровича — Яков родился в 1882 году, в 17 лет стал членом РСДРП, активную революционную деятельность начинал в Перми, арестовывался и содержался под стражей в Пермской тюрьме, затем находился в ссылке в Астраханской губернии. Во время первой русской революции Яков, как и старший брат, участвовал в Декабрьском вооруженном восстании.

После февральской революции Яков Федорович Дубровинский стал одним из руководителей Красноярской объединенной организации РСДРП, членом Средне-Сибирского областного бюро РСДРП, с марта по август 1917 года — председателем Красноярского Совета.

После Октябрьской революции входил в состав Красноярского губисполкома и губкома РКП (б). После мятежа чехословацкого корпуса Яков Федорович находился на фронтах гражданской войны, командовал Красногвардейским отрядом на Клюквенском направлении — вблизи города Красноярска. В октябре 1918 года Дубровинский был арестован белочехами и в ночь на 25 октября расстрелян на окраине Красноярска.

Судьба двух братьев Дубровинских оказалась странно связанной друг с другом. Яков родился на 5 лет позже Иосифа — и погиб тоже на 5 лет позже, они оба прожили 36 лет, оба отбывали ссылку в Туруханском крае и погибли там же. Младший старшему установил скромный обелиск на могиле в Красноярске.

Улица Дубровинского в Красноярске названа в честь Якова, набережная Дубровинского в Орле и улица Дубровинского в Покровском — в честь Иосифа. И пока их имена еще живут в названиях улиц, хотя отношение к большевикам во многом изменилось.

Видным социал-демократом, известным на Орловщине, был Клавдий Михайлович Остров. Он родился в 1874 году в селе Топки в семье священника. Окончил местную земскую школу, поступил в Орловскую землярную, а затем в гимназию. Обучаясь в Орле, Остров познакомился с революционной молодежью и

после образования в 1894 году в Орле первого марксистского кружка он вступил в него.

После разгрома кружка, Клавдий был первый раз задержан и допрошен поллицей. В 1895 году Остров закончил гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета. Обучаясь в Москве, Клавдий Михайлович тесно сблизился с руководством социал-демократической организации, принимал участие в организации студенческих стачек, за что был исключен из университета и выслан в Орел под гласный надзор полиции.

В Орле Остров вошел в социал-демократическую организацию, возглавлявшуюся И. Дубровским и Родзевичем-Белевичем, активно вел агитацию и пропаганду марксизма среди рабочих, завязал тесные связи с брянскими социал-демократами и был одним из организаторов сентябрьской стачки 1898 года в Брянске.

Арестовывался, а после освобождения вновь продолжал революционную деятельность — в Орле, Брянске, Калуге.

В 1902 году Остров был сослан на три года в Вятскую губернию, где стал одним из организаторов Вятского комитета РСДРП (б).

С конца 1904 года Клавдий Михайлович живет в Казани, и, продолжая заниматься революционной деятельностью, работал на юридической и статистической работе. После Октябрьской революции Остров продолжал жить в Казани, где и умер в 1943 году.

Крупным деятелем социал-демократического движения на Украине и одним из организаторов первых отрядов Красной Гвардии был Тимофей Лаврентьевич Бондарев, уроженец деревни Новая Слободка. Он родился в 1871 году в семье крестьянина-бедняка и в молодом возрасте уехал на Украину, вел революционную работу в армии и среди рабочих Луганска, Дебальцево, Екатеринослава.

После Октябрьской революции участвовал в гражданской войне, занимал партийные и советские посты в Днепропетровске и Москве. Был награжден двумя орденами — Красного и Трудового Красного Знамени. Умер Тимофей Бондарев в 1941 году в Москве, где и похоронен.

Иосиф и Яков Дубровинские, Клавдий Остров и Тимофей Бондарев жили во имя идеи — идеи дать счастье трудовому народу. И пусть они, может быть, во многом были не правы, но своих жизней они не щадили и умерли, уверенные, что жизнь прожили не напрасно. Нам бы теперь их уверенность!

Развитие сельского хозяйства в Покровском крае в начале XX века

В двух выше опубликованных материалах мы писали о большой роли земских учреждений в развитии народного образования и здравоохранения в Покровском районе. Но деятельность земств не ограничивалась только этими двумя сферами. Да и возможности у земств были достаточно обширные, потому что гласным в состав земского собрания обычно избирались самые деятельные из дворян, купцов и крестьян уезда (срок их деятельности был ограничен тремя годами).

Так, к примеру, на период с 1894 — по 1897 год в состав Малоархангельского уездного земского собрания было избрано 36 гласных — 22 человека от дворян трое — от мещан и купцов и 11 человек от крестьянских обществ. В число дворян вошли: Оловенников Сергей Николаевич, Покатилло Константин Николаевич, Кологривов Иван Николаевич, Мацнев Михаил Михайлович.

Оловенников и Мацнев были инициаторами создания библиотек в своих поместьях, Покатилло работал долгое время земским врачом, Кологривов увлекался развитием сельского хозяйства.

Один из купцов, Гавриил Афанасьевич Ильинский содействовал появлению больницы в с. Топки. Немаловажную роль играли и представители крестьянских обществ, некоторые из них входили в число попечителей народных училищ, а также выполняли другую общественную работу.

Земство следило за исправностью сбора налогов на свои нужды, ремонтировало дороги и сооружало мосты (первые прочные мосты через Сосну и Липовец были построены усилиями земства), содержал пожарные дружины. В 1897 году появилась Дросковская вольно-пожарная дружина, а к 1911 году существовали аналогичные дружины в Сетенево и в В-Жерновец.

Но, несомненно, чрезвычайно большую роль сыграли земские учреждения в развитии сельского хозяйства, распространении агрономических и зоотехнических знаний среди крестьянского (в основном) населения нашего края в первые годы XX века.

От одного агронома — к пяти агрономическим участкам, на каждом из которых работал агроном и два сельскохозяйственных старосты — такой путь проделало Малоархангельское земство, стремясь изменить в лучшую сторону жизнь крестьян.

Неумение работать с землей — именно это, по мнению земских агрономов, было одной из причин сильных неурожаев в нашем крае в 1905 — 1907 годах. Земство тогда помогало голодающим, организуя льготные хлебные кредиты.

Но главное, на чем оно сосредоточилось — это сельскохозяйственное просвещение крестьян, причем главным — показательное, для того, чтобы убедить их в эффективности новых способов ведения с-х производства.

Для этого земствами стали организовываться показательные поля, где агрономы (дросковский агроном Л. Н. Орлов и покровский Л. Г. Штерн) старались показать крестьянам, что главное зло нашего хозяйства — никуда не годная обработка почвы, недостаток удобрения, истощение земли, засоренность семян и т. д.

Начало практической деятельности агрономов было положено в 1902 году, когда при Дросковском волостном правлении был разбит фруктовый сад, а дальше все развивалось по нарастающей линии.

К 1913 году существовали уже Дросковский и Покровский агрономические участки. Покровский участок состоял из четырех волостей: Покровской, Федоровской, Успенской и Воробуцкой (114 селений). Общая площадь этого агрономического участка составляла 66 361 десятину, а земельные собственники делились на две большие группы — крестьян (80,4 проц.) и лица других сословий (19,6 проц.). Преобладающей массой крестьянского поселения были крестьяне-общинники, а при таком землепользовании нельзя вводить новые приемы обработки земли без согласия общества, добиться которого было очень трудно.

Хотя с 1906 года начала осуществляться столыпинская аграрная реформа, но число землеустроенных крестьян (т. е. добившихся сведения своих земель в один участок — отруб или переселившихся на хутор) было всего лишь 3,5 проц. к 1913 году (по Покровскому агрономическому участку).

Крестьяне -- отрубщики жили в селе Федоровка, д. Николаевке, Каменке, Трудках. Число землеустроенных и неземлеустроенных хозяйств было 200 и 5 560, т. е. с явным перекосом в пользу последних.

Каждый агроном считал своим долгом на своем участке иметь несколько показательных полей. К августу 1913 года на Дросковском и Покровском агрономических участках было организовано 15 таких полей. Показательными они были названы потому, что показывать крестьянам, как вести хозяйство по науке и получить лучший урожай.

При каждом показательном поле существовал прокатный пункт с нужными для ведения показательного земледелия орудиями и машинами (значало они передавались хозяину поля, но затем передавались ему в аренду на 4 года, а по истечении этого срока передавались в собственность этого хозяйства за полцены при условии выполнения им своих обязательств).

Хозяева показательных полей, кроме права в первую очередь пользоваться машинами и с-х орудиями, имели льготы: в год открытия поля снабжались бесплатно семенами клевера, вика, свеклы, люцерны и получали удобрения (томас-шлак) и семена улучшенных хлебов (на сумму 35 руб.).

Инвентарь прокатного пункта состоял из 6 — 7 машин или орудий. Большею частью это были: плуг «Сакка», двухзвенная борона «Зиг-Заг», пропашник «Пчанет», П рядная сеялка, сортировка «Триумф» № 2 и весы для взвешивания урожая. Все оборудование давалось желающим напрокат (например, эксплуатация плуга стоила 20 коп. в день, сеялки — 50 коп. в день).

Кроме 15-ти прокатных пунктов в уезде существовали и прокатные станции (при агрономических участках в Дросково и Покровском — т. е. их было две). На прокатных станциях был большой выбор машин и орудий (из 13 предметов включая культиватор «Клейна», сепаратор, маслобойку).

Из всего оборудования прокатных пунктов и станций в 1913 — 1914 годах наибольшим спросом пользовались рядовая сеялка, борона, плуг -- и наименьшим — пропашник.

Существовала тогда же еще и третья форма прокатных организаций -- зерноочистные пункты и зерноочистные пунктообозы.

Зерноочистные пункты работали как обычные прокатные пункты. Имевшиеся на них две зерноочистные машины -- трер и сортировка сдавались в аренду окрестным крестьянам, которые привозили сюда своим ходом зерно для очистки и сортировки (2 копейки за четверть очищенного зерна -- такой была плата).

Пунктообозы были несколько другим предприятием. Содержателю пунктообоза выдавали три сортировочные машины и платформу для их перемещения, и он должен был за плату 60 рублей в год сопровождать машины в течение трех месяцев в году (20 ноября — 20 декабря, 20 января — 20 марта) от селения к селению. Машины от села к селу передавались по маршруту, который определялся участковым агрономом, на лошадях тех лиц, к которому ехал очищать зерно пунктообоз.

Задача содержателя пунктообоза — вести запись очищенного зерна, следить за очередью очистки. Зерно очищалось здесь бесплатно.

Пунктообозы были очень популярны у населения, и они очищали зерно гораздо больше, чем зернопункты.

В 1913 году на территории, входящей теперь в Покровский район, имелось 8 зерноочистных пунктов и 11 пунктообозов. С их помощью было очищено 50 580 пудов зерна (809т).

Рассказав о показательных полях, прокатных пунктах и других видов помощи крестьянам, следует назвать хотя бы несколько хозяев, на чьих землях были обрешены эти показательные поля и пункты:

При д. Шалимовой Смирновской волости — хозяин А. Д. Бахмат, при д. Маховой Каменке Успенской волости — хозяин А. В. Прохоров, при д. Волчьих Дворы Покровской волости — хозяин Е. А. Семенихин, при д. Ивановке Алексеевской волости — хозяин Тимофей Андреевич Кариков.

Вся эта деятельность должна была показать крестьянам выгоду ведения хозяйства по науке. Так, в 1913 году средний урожай ржи на показательных полях был 101 пуд с десятины (на крестьянских землях — 43), овес — 109 пудов (у крестьян — 76), вики 211 пудов (у крестьян — 176), т. е. заметно выше.

Активную роль в снабжении селений техникой, удобрениями, новыми семенами играли кредитные товарищества, которые организовали с-х склады и пункты по продаже семян населению.

При Покровском и Дросковском агрономическом участках раздавались и продавались брошюры по сельскому хозяйству — с пропагандой новых методов земледелия.

Кроме земледелия, земство большое внимание уделяло и развитию животноводства. В Дросково и Покровском было организовано по два случных пункта, где имелись 7 симментальских быков-производителей, а всего по двум агрономическим участкам находилось 23 быка симментальской и 5 швицкой породы — началась работа по созданию породистых животных — вначале коров, а потом и лошадей.

Было положено начало и птицеводству: в два хозяйства землеустроительная комиссия земства выдала по одному петушку и две курочки.

Так земство способствовало развитию сельского хозяйства, так создавались основы научного земледелия, животноводства и садоводства в нашем районе в начале XX века.

Тургенев и наш край

Имя великого русского писателя Ивана Сергеевича Тургенева тесно связано с нашим краем. Когда-то, в XVIII веке еще, дед писателя по матери Петр Лутовинов считался ливенским помещиком (территория Покровского района тогда, как вы помните входила в состав Ливенского уезда). Он поселился в Топках, построил здесь небольшую усадьбу.

Мать Ивана Сергеевича Тургенева, прежде чем стать хозяйкой Спасского, тоже была здешней (уже малоархангельской — после образования Малоархангельского уезда) помещицей. Ей после смерти Петра Лутовинова принадлежали село

Топки, д. Хмелевое, д. Лутовиново и с. Столбцкое (что касается сел Топки, Столбцкое, точнее будет сказать, что часть их, владетельская, помещичья, принадлежала Варваре Петровне Тургеневой, а другая часть считалась казенными землями).

Когда Варвара Петровна Тургенева умерла, то ее наследники, братья Иван и Николай Сергеевичи 8 марта 1855 года в Орловской палате окружного суда подписали раздельный акт, по которому с. Топки и д. Хмелевое отошли Ивану Сергеевичу, а с. Столбцкое — Николаю Сергеевичу Тургеневу.

Основным имением Ивана Сергеевича Тургенева, как и его матери, в конце 50-х годов XIX века было уже Спасское-Лутовиново, а с. Топки превратилось в «заглазное» владение, куда писатель приезжал время от времени.

Появившееся в конце XVI — начале XVII века с. Топки было расположено в обширных заболоченных низинах, тянувшихся полосой в сторону с. Вороново (теперь Колпинянского района). И хотя к середине XIX века болот и топей стало уже значительно меньше по сравнению с XVII веком, но все-таки достаточно для многочисленной водоплавающей живности, водившейся здесь в изобилии.

Именно из-за богатой охоты любил приезжать сюда, в Топки, Иван Сергеевич Тургенев. Иногда он бывал тут один, но чаще — с друзьями (особенно с Афанасием Фетом). Афанасий Афанасьевич Фет в своих воспоминаниях писал: «В те времена Малоархангельский уезд славился изобилием болотной дичины, и если мы с Тургеневым ездили в его Малоархангельское имение Топки, вследствие им проданное, то главной целью Тургенева было удобно поохотиться, а никак не разбирать свои экономические дела».

В 50-е годы Тургенев приезжал в Топки достаточно часто, а позже все реже и реже. И хотя, как писал Фет, Иван Сергеевич бывал здесь по охотничьим делам, но так или иначе он должен был решать и хозяйственные вопросы, в которых оказался не особенно силен. Имением от имени Тургенева занимались управляющие — вначале это был родной дядя Н. Н. Тургенев, а затем Н. А. Кичинский. Пользуясь доверчивостью Ивана Сергеевича, они довольно бессознательно обманывали его, утаивая часть доходов от имения.

Испытывая нужду в деньгах, Тургенев писал 20 марта 1867 года из Москвы Н. А. Кичинскому: «Можете принять меры о продаже рощи в Топках, о которой Вы говорил». Эта роща была впоследствии продана бурмистру Борцову.

7 ноября 1872 года писатель высказал свою озабоченность в письме к Кичинскому: «Из кассовой ведомости, присланной Вами, видно, что с некоторых имений, как например, Топки, (через «а») получено еще очень мало доходов».

Прежде чем Иван Сергеевич догадался о причинах малой доходности своего имения и уволил по очереди обоих управляющих, они своим воровством нанесли немалый ущерб Тургеневу, в результате чего он испытывал некоторое время финансовые затруднения и поэтому отдал село Топки в аренду богатому миченскому купцу А. П. Кошеварову (это произошло в 1875 году).

После 1875 года Иван Сергеевич очень редко приезжал в наши края, тем более, что он основную часть своего времени проводил за границей. Последний раз великий писатель посетил наши места в августе 1881 года, в последний свой приезд из-за границы.

11 августа 1881 года Тургенев поездом добрался до станции Ерошкино, а оттуда отправился на лошадях в село Федоровку, находившееся верстах в десяти от Топков. В этом селе жила с двумя сыновьями вдова его приятеля Захара Николаевича Мухортова. С Захаром Николаевичем Мухортовым, владельцем многих поместий в Малоархангельском уезде, Иван Сергеевич дружил давно и прочно (в свое время дружили и служили вместе их отцы).

Здесь, в Федоровке, Тургенев гостил недолгое время, и оттуда же он приехал в Топки — на этот раз по чисто хозяйственным делам: он решился на продажу Топков своему арендатору Кошеварову.

Ардалион Иванович Замятин, имя которого мы упоминали в материале о народном просвещении в нашем крае, в 1871 году уже работал в Топках учителем местной земской школы. Он видел приезд писателя в Топки и оставил об этом воспоминания. Вот что он писал:

«Это было 11 августа (1881г.). Я сидел на крыльчке того флигелька и что-то, кажется, читал. Было около четырех часов пополудни... Вдруг я вижу: едет карета, запряженная тройкой лошадей, а из кареты, когда она поравнялась, смотрит белая как лунь голова в шляпе и с белою же бородою. Не знаю, почему я сразу узнал его? Только я сразу вскочил, бросился в дом и закричал матери, что приехал Тургенев, а сам выбежал опять на крыльцо. Карета завернула направо и въехала в так называемый барский двор. Я быстро надел пиджак и побежал туда. Имение в это время было сдано в аренду мценскому купцу Кошеверову А. И., который, по случаю рабочей поры, жил здесь. Когда я вошел, то услышал через отворенные окна разговор внутри дома, и среди знакомых голосов был один незнакомый, его, Тургенева.

...В окно я услышал, как Кошеверов уговаривал Тургенева остаться ночевать, и поэтому нужно отпрягать лошадей, но И. С. говорил что он приехал на чужих лошадях помещика Мухортова из Федоровки, где он гостил, и приехал потому: во-первых, взглянуть на свое имение, которое он почти не знает, а во-вторых знал, что можно встретить Кошеверова А. И., своего арендатора, с которым ему нужно переговорить об окончательной продаже имения, если тот желает купить и что, если Кошеверов согласен, то пусть он приезжает в Спасское не далее как через 3 — 4 дня, потому что спешит уехать».

А. И. Замятин стал далее свидетелем разговора Тургенева с местными мужиками, пострадавшими от пожара. Иван Сергеевич вручил им 100 руб. на погорелое. Пробыв в Топках не более двух часов и договорившись с Кошеверовым, Тургенев уехал обратно в Федоровку, а затем в Спасское-Лутовичново, откуда уже навсегда отбыл за границу.

Так и перестали быть Топки именем Ивана Сергеевича Тургенева. Но наш разговор о них еще не закончен, поскольку Топки связаны с одним из лучших романов Тургенева — «Дворянским гнездом».

Написан этот роман был в 1858 году, публиковался в начале в журнале «Современник», а позднее вышел отдельной книгой. Еще при жизни писателя «Дворянское гнездо» издавалось шесть раз.

Главными героями романа являются Федор Лаврецкий и Лиза Калитина. Часть

действия в романе происходит в имени Лаврецкого — селе Васильевское. Прочтируем с некоторыми сокращениями отрывки из 18 и 19 глав:

«Тарантас толкнуло, Лаврецкий выпрямился и широко раскрыл глаза. Перед ним на пригорке тянулась небольшая деревенька, немного вправо вклился ветхий господский домик с закрытыми ставнями и крытым крыльцом: по широкому двору, от самых ворот росла крапива, зеленая и густая, как конопля, тут же стоял дубовый, еще крепкий амбарчик. Это было Васильевское. Вот я и дома, вот я и вернулся», — подумал Лаврецкий, входя в крошечную переднюю».

Небольшой домик, куда прѣехал Лаврецкий, был построен из прѣтого сосново-го леса, он на вид казался ветхим, но мог простоять еще лет пятьдесят... Все в доме осталось как было: тонконогие диваны в гостиной, обитые глянцевым серым штофом, протертые и продырявленные, живо напоминали екатерининские времена. В спальне возвышалась узкая кровать, под пологом из стародавней, весьма добротной полосатой материи, горка полинялых подушек и стеганое жидкое одеяльце лежали на кровати. Туалетный столик из штучного дерева, с медными блюдами и кривым зеркальцем, с почерневшей позолотой, стоял у окна. Рядом с спальней находилась образная, маленькая комнатка с голубыми стенами и тяжелым клятом в углу, на полу лежал истертый, закапанный воском ковѣр... Осмотрев дом, Лаврецкий вышел в сад и остался им доволен. Он весь зарос бурьяном, лопухами, крыжовником и малиной, но в нем было много тени, много старых лип... Сад оканчивался небольшим светлым прудом с каймой из высокого красноватого тростника».

Афанасий Фет, которого мы уже цитировали выше, в тех же воспоминаниях пишет, что, «действие романа («Дворянское гнездо») перенесено Тургеневым в Топки». То есть Васильевское в романе — это Топки в реальной жизни. И вот что Фет пишет дальше:

«Развертывая сочинение Тургенева, увидал пометку «Дворянского гнезда» — 1858 годом, вследствие чего не может быть ни малейшего сомнения, что вскоре после охоты на тетеревей мы с Тургеневым направилась в Топки. Описанье старого флигеля, в котором мы остановились, весьма преувеличено пером романиста... Никаких штофных диванов, высоких кресел и портретов я не видел. А в одной из пустых комнат вместо упоминаемой кровати под пологом, я увидел ткацкий станок, на котором крѣпкой тканью работала прекрасная нестрядь. Правда, что худо ли, хорошо ли, нам приготовили обед, и старый слуга Антон, прѣнарядившись в серый сюртук, надел белые вязаные перчатки».

Итак, А. А. Фет прямо говорит, что действие романа «Дворянское гнездо» происходит в Топках: он дополняет литературное описание Топков (Васильевского) реалистическим описанием старого помещичьего дома Тургеневых, в результате чего перед нами возникает он как будто наяву.

Таким образом, наш край славен тем, что на его территории, в нескольких населенных пунктах бывал великий русский писатель — по делам хозяйственным и для отдыха (охоты), а так же тем, что действие одного из его романов происходит в селе Топки (Васильевское в «Дворянском гнезде»).

Содержание

История Покровского района до начала XVIII века	1
Покровский край в XVIII веке	8
Население Покровского района и занятия жителей в XIX веке	12
Крестьянский вопрос в Покровском районе в XIX веке и отмена крепостного права	16
Оловенниковы	20
Земство и начало здравоохранения в Покровском районе	27
Народное просвещение на территории Покровского района в начале XX века	31
Наш край в годы первой русской революции	34
Наши земляки в социал-демократическом движении	38
Развитие сельского хозяйства в Покровском крае в начале XX века	42
Тургенев и наш край	45

[50-00]